

III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Бытко Ю. И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 352–373. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.

Bytko Yu. I. *Pochemu v Rossii do sikh por ne prinyat zakon ob ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits?* [Why Has Not Russia Adopted the Law on Criminal Liability of Legal Entities Yet?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 2. Pp. 352–373. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.

УДК 343.2.7

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373

**ПОЧЕМУ В РОССИИ ДО СИХ ПОР НЕ ПРИНЯТ ЗАКОН
ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ?**

Ю. И. Бытко

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

ORCID: 0000-0003-4436-3500

ResearcherID: H-1335-2019

E-mail: bytko-ui@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2019

Введение: утверждение в России рыночных отношений, ее географическое положение и геополитические интересы диктуют необходимость более интенсивного включения страны в мировое экономическое пространство, во многих странах которого практикуется уголовная ответственность корпораций, и приведения законодательства, в том числе уголовного, в соответствие с новыми реалиями. Российская экономика сегодня нуждается в серьезных инвестициях, в том числе иностранных, что диктует необходимость создания серьезных правовых гарантий, одной из которых признается уголовная ответственность преступных субъектов экономической деятельности. Преступная деятельность некоторых юридических лиц способствует сращиванию преступного бизнеса с властью и распространению коррупции, масштабы которой угрожают безопасности российского государства. Камнем преткновения на пути внедрения уголовной ответственности юридических лиц является бытующее представление о нецелесообразности такой ответственности и о неизбежности, в случае введения института такой ответственности, нарушения принципа индивидуальной и виновной ответственности. **Цель:** критическое осмысление практики применения законов об уголовной ответственности юридических лиц за рубежом, мнений за и против такой ответственности в российской правовой теории, разработка авторской концепции решения этой проблемы в России. **Методы:** материалистической диалектики с помощью приемов анализа, синтеза, индукции, дедукции, теоретического моделирования. **Результаты:** сформулированы аргументы в пользу целесообразности и необходимости такой ответственности

© Бытко Ю. И., 2019

III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Information for citation:

Bytko Yu. I. *Pochemu v Rossii do sikh por ne prinyat zakon ob ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits?* [Why Has Not Russia Adopted the Law on Criminal Liability of Legal Entities Yet?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 2. Pp. 352–373. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.

UDC 343.2.7

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373

**WHY HAS NOT RUSSIA ADOPTED THE LAW ON CRIMINAL LIABILITY
OF LEGAL ENTITIES YET?**

Yu. I. Bytko

Saratov State Law Academy
1, Volskaya st., Saratov, 410056, Russia

ORCID: 0000-0003-4436-3500

ResearcherID: H-1335-2019

E-mail: bytko-ui@yandex.ru

Received 19.02.2019

Introduction: establishment of market relations in Russia, geographical location and geopolitical interests of the country necessitate its more intensive participation in the global economic environment (with many of the countries applying corporate criminal responsibility) as well as bringing legislation, including criminal law, in line with the new realities. Today, the Russian economy needs major investment, including that from abroad. This requires development of solid legal guarantees, with criminal liability of illicit business units being one of these guarantees. Criminal activity of some legal entities contributes to merging of criminal business with the government and to spread of corruption so wide that it threatens the security of the Russian state. The stumbling block on the way to the introduction of criminal liability for legal entities is the conventional idea of inexpediency of such liability and inevitability of breaching the principle of individual and fault-based liability in case the above liability institution is introduced. **Purpose:** to provide critical assessment of the international practice in the application of legislation on criminal liability of legal entities as well as of the opinions describing advantages and disadvantages of this liability in the Russian legal theory; to develop the author's concept of addressing this issue in Russia. **Methods:** the materialist dialectic method with the use of the analysis, synthesis, induction, deduction, theoretical modeling techniques. **Results:** the arguments in support of the idea of liability in question, its expediency and necessity in Russia have been formulated; there has been justified a theoretical model that makes it possible to integrate the corporate criminal liability institution into the formula of individual criminal liability developed by the classical school of criminal law. **Conclusions:** the hopes for changes regarding the issue of corporate criminal liability in Russia should be associated with the devel-

© Bytko Yu. I., 2019

сти в России, обоснована теоретическая модель, позволяющая вписать институт корпоративной уголовной ответственности в созданную классической школой уголовного права формулу уголовной ответственности физического лица. **Выводы:** надежды на положительное решение в России проблемы уголовной ответственности юридических лиц следует связывать с развитием малого и среднего бизнеса, для представителей которого коррупция и сращивание криминального бизнеса с властью разорительны, в связи с чем их участие в качестве присяжных заседателей в суде присяжных при рассмотрении преступных деяний корпораций окажется весьма продуктивным.

Ключевые слова: уголовная ответственность; союзная личность; юридическое лицо; формула уголовной ответственности; корпорация; позитивизм; социологическая школа; санкция; штраф; лишение лицензии; конфискация; суд присяжных; коррупция; криминальный капитал

WHY HAS NOT RUSSIA ADOPTED THE LAW ON CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES YET?

Yu. I. Bytko

Saratov State Law Academy
1, Volskaya st., Saratov, 410056, Russia
ORCID: 0000-0003-4436-3500
ResearcherID: H-1335-2019
E-mail: bytko-ui@yandex.ru

Received 19.02.2019

Introduction: establishment of market relations in Russia, geographical location and geopolitical interests of the country necessitate its more intensive participation in the global economic environment (with many of the countries applying corporate criminal responsibility) as well as bringing legislation, including criminal law, in line with the new realities. Today, the Russian economy needs major investment, including that from abroad. This requires development of solid legal guarantees, with criminal liability of illicit business units being one of these guarantees. Criminal activity of some legal entities contributes to merging of criminal business with the government and to spread of corruption so wide that it threatens the security of the Russian state. The stumbling block on the way to the introduction of criminal liability for legal entities is the conventional idea of inexpediency of such liability and inevitability of breaching the principle of individual and fault-based liability in case the above liability institution is introduced. **Purpose:** to provide critical assessment of the international practice in the application of legislation on criminal liability of legal entities as well as of the opinions describing advantages and disadvantages of this liability in the Russian legal theory; to develop the author's concept of addressing this issue in Russia. **Methods:** the materialist dialectic method with the use of the analysis, synthesis, induction, deduction, theoretical modeling techniques. **Results:** the arguments in support of the idea of liability in question, its expediency and necessity in Russia have been formulated; there has been justified a theoretical model that makes it possible to integrate the corporate criminal liability institution into the formula of individual criminal liability developed by the classical school of criminal law. **Conclusions:** the hopes for changes regarding the issue of corporate criminal liability in Russia should be associated with the development of small and medium businesses, as corruption and merging of criminal business with the authorities are ruinous for such types of businesses, and therefore participation of their representatives in trial juries as jurors would be rather effective in handling criminal activities of corporations.

Keywords: criminal liability; allied entity; legal entity; criminal liability formula; corporation; positivism; sociological school; sanction; fine; deprivation of license; seizure; jury trial; corruption; criminal capital

opment of small and medium businesses, as corruption and merging of criminal business with the authorities are ruinous for such types of businesses, and therefore participation of their representatives in trial juries as jurors would be rather effective in handling criminal activities of corporations.

Keywords: criminal liability; allied entity; legal entity; criminal liability formula; corporation; positivism; sociological school; sanction; fine; deprivation of license; seizure; jury trial; corruption; criminal capital

ПОЧЕМУ В РОССИИ ДО СИХ ПОР НЕ ПРИНЯТ ЗАКОН ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ?

Ю. И. Бытко

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
ORCID: 0000-0003-4436-3500
ResearcherID: H-1335-2019
E-mail: bytko-ui@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2019

Введение: утверждение в России рыночных отношений, ее географическое положение и геополитические интересы диктуют необходимость более интенсивного включения страны в мировое экономическое пространство, во многих странах которого практикуется уголовная ответственность корпораций, и приведения законодательства, в том числе уголовного, в соответствие с новыми реалиями. Российская экономика сегодня нуждается в серьезных инвестициях, в том числе иностранных, что диктует необходимость создания серьезных правовых гарантий, одной из которых признается уголовная ответственность преступных субъектов экономической деятельности. Преступная деятельность некоторых юридических лиц способствует сращиванию преступного бизнеса с властью и распространению коррупции, масштабы которой угрожают безопасности российского государства. Камнем преткновения на пути внедрения уголовной ответственности юридических лиц является бытующее представление о нецелесообразности такой ответственности и о неизбежности, в случае введения института такой ответственности, нарушения принципа индивидуальной и виновной ответственности. **Цель:** критическое осмысление практики применения законов об уголовной ответственности юридических лиц за рубежом, мнений за и против такой ответственности в российской правовой теории, разработка авторской концепции решения этой проблемы в России. **Методы:** материалистической диалектики с помощью приемов анализа, синтеза, индукции, дедукции, теоретического моделирования. **Результаты:** сформулированы аргументы в пользу целесообразности и необходимости такой ответственности в России, обоснована теоретическая модель, позволяющая вписать институт корпоративной уголовной ответственности в созданную классической школой уголовного права формулу уголовной ответственности физического лица. **Выводы:** надежды на положительное решение в России проблемы уголовной ответственности юридических лиц следует связывать с развитием малого и среднего бизнеса, для представителей которого коррупция и сращивание криминального бизнеса с властью разорительны, в связи с чем их участие в качестве присяжных заседателей в суде присяжных при рассмотрении преступных деяний корпораций окажется весьма продуктивным.

Ключевые слова: уголовная ответственность; союзная личность; юридическое лицо; формула уголовной ответственности; корпорация; позитивизм; социологическая школа; санкция; штраф; лишение лицензии; конфискация; суд присяжных; коррупция; криминальный капитал

Введение

Вопрос, вынесенный в заголовок настоящей статьи, не праздный. Дело в том, что законодательство многих стран мира, в том числе с развитой рыночной экономикой, такую ответственность предусматривают. Причем показательно, что этот институт обрел жизнь еще в эпоху становления угольной цивилизации. Любопытно, что первый уголовный процесс над юридическим лицом состоялся 177 лет назад (в 1842 г.) в Великобритании. Позже, в связи со спецификой британского законодательства, практика привлечения к уголовной ответственности корпоративных субъектов закрепились в виде судебного прецедента.

То есть в то время, когда крестьянская Россия только готовилась к освобождению от пут крепостного права, в Англии капитализм достиг той стадии развития, когда погоня за сверхприбылью любыми средствами потребовала создания серьезного правового инструмента пресечения общественно опасных действий недобросовестных конкурентов. В таком качестве явился институт уголовной ответственности юридических лиц.

Уже в ту эпоху опыт прошлого и проблемы текущего момента приводят теоретиков права и законодателей к выводу о потенциальной возможности и способности «коллективных» образований нести индивидуализированную уголовную ответственность. Однако корни уголовной ответственности юридических лиц следует искать не в законодательстве, а в сущности, содержании и структуре господствовавших социально-экономических отношений. В силу этого решение проблемы уголовной ответственности союзной личности, включая ее уголовно-правовой аспект, опирающееся на политико-правовое и социальное понимание категории ответственности субъектов права, представляется одним из определяющих в социологическом учении.

Проблема корпоративной уголовной ответственности в российской уголовно-правовой теории

Интернациональный характер науки и давние творческие связи российской интеллигенции с европейским юридическим сообществом позволили не только выявить то общее, что

свойственно динамике института уголовной ответственности юридических лиц, но и определить перспективы его развития в России. Показательны в этом отношении известные суждения С. Будзинского о соотношении и природе гражданско-правовой и уголовной ответственности союзной личности, наметившейся в европейской науке «вследствие ложного понимания свойственных уголовному праву начал ответственности», присущих обычному праву и раннему законодательству германских народов [1, с. 72]. Суть этой полемики – в классическом разграничении частного и публичного права, солидарной гражданско-правовой ответственности членов товарищества на правах акционерной компании и уголовно-правовой ответственности собственно самого акционерного общества с элементами товарищества [11, с. 19; 15, с. 25]. Первичным звеном в этой цепочке противоречий в науке и правоприменительной практике стал институт соучастия в европейском и отечественном уголовном законодательстве.

Необходимо признать, что у противников уголовной ответственности юридических лиц были определенные основания для критики своих оппонентов. Склоняясь к мысли о существовании коллективной вины, Н. С. Таганцев считал, что «наличие вины в форме единной виновности нескольких единичных лиц и коллективной ответственности каждого из соинициаторов за совершенное не будет отрицать почти не один из криминалистов, поскольку исследование этой формы виновности и составление этой формы виновности и составляет предмет учения о соучастии» [10, с. 312]. Однако, поскольку модель ответственности «бестелесной» личности носила достаточно схематичные очертания, Н. С. Таганцев справедливо отмечал, что единение нескольких персон только в экстраординарных ситуациях может быть признано юридическим лицом. Квазюридическими лицами, по его мнению, являются объединения, всецело объемлющие личность, такие, в частности, как религиозные, хозяйствующие, не охватываемые понятием юридического лица в тесном смысле. Но по своему правовому статусу они не могут выступать в качестве субъектов коллективной вины и ответственности.

Ж. Местр отрицает принятое классическим уголовным правом толкование вины «коллективных образований». Однако приведенные им

Introduction

The question in the title of this paper is not an idle one. The fact is that legislation in many countries of the world, including those with mature market economies, provides for such liability. Significant is the fact that this institution came to life as far back as in the era of the 'coal civilization' formation. Interestingly, the first criminal trial involving a legal entity took place 177 years ago (in 1842) in the United Kingdom. Later, due to the characteristic features of the British law, the practice of bringing corporate entities to criminal liability became established through the form of judicial precedent.

Obviously, while the peasant Russia was only on the way to getting itself free from the manacles of servage, capitalism in England reached such a development phase when the rush for *superprofit by any means* required developing a serious legal tool to prevent socially-dangerous actions of unscrupulous competitors. That was the institution of criminal liability of legal entities.

As early as that time, the experience of the past and current problems of the day brought the theorists of law and lawmakers to the conclusion about the potential capability of 'collective' entities to be individually criminally liable. However, the roots of criminal liability for legal entities should be sought not in legislation but in the essence, content and structure of the then prevailing socio-economic relations. Therefore, finding the solution for the problem of criminal liability for an 'allied entity' (including its criminal law component) appears to be one of the crucial aspects in sociological doctrine (provided this solution is based on the political, legal and social understanding of the category of liability inherent in legal subjects).

Problem of Corporate Criminal Liability in Russian Theory of Criminal Law

The international nature of science and the long-standing creative ties of the Russian 'intelligentsia' with the European legal community made it possible not only to reveal the common

features which are specific to the dynamics of the corporate liability institution but also to determine the prospects for its development in Russia. In this respect, an emphasis should be laid on the well-known judgements by S. Budzinsky, who spoke about the relationship and nature of civil and criminal liability of the 'allied entity', which began to take its shape in European science 'due to the false understanding of the fundamentals of liability inherent in criminal law', being characteristic of the customary law and the early legislation of the Germanic peoples [1, p. 72]. The essence of this polemics lies in the classical distinction between private and public law, between the joint civil liability of members of a partnership acting as a joint stock company and the criminal liability of the joint-stock company itself [11, p. 19; 15, p. 25]. It was the institution of complicity in European and Russian criminal legislation that became the primary link in this chain of contradictions in science and law enforcement practice.

It must be recognized that the opponents of corporate criminal liability had certain grounds for criticizing their antagonists. Leaning toward the idea of the 'collective guilt', N. S. Tagantsev believed that 'the presence of guilt in the form of a joint guiltiness of several individuals and the collective liability of each of the accomplices for the committed offense would hardly be denied by almost any of criminologists since investigating this form of guiltiness is the subject of the complicity doctrine' [10, p. 312]. However, since the liability model for a 'bodyless' entity was rather sketchy, N. S. Tagantsev was fair to say that unionization of several persons that only takes place in extraordinary situations can be recognized as a legal entity. 'Quasi-legal entities', in his opinion, are associations that fully embody the personality, such as, in particular, religious and commercial ones, which do not fall within the notion of legal entity in its narrow sense. However, according to their legal status, they cannot act as subjects of collective guilt and liability.

G. Mestre denies interpretation of the 'collective entity' guilt adopted by the classical criminal law. However, his reasoning,

доводы, по убеждению Н. С. Таганцева, малоубедительны. Они не вписываются в привычное понимание субъективной стороны преступления. Воля корпорации действительно выражается в согласованном решении ее членов, но это решение не является выражением воли всех ее участников. Нередко устав акционерного общества признает правомочным постановление, принятое большинством присутствующих на собрании, в реальности составляющих лишь одну треть списочного состава акционерной компании. Не явившееся большинство считается подчинившимся меньшинству на основании формального согласия его на всякое постановление.

Н. С. Таганцев, не отрицая ни исторической значимости социологической теории Ж. Местра, ни его выводов о значении деятельности социальных союзов в современном мире, тем не менее, будучи последовательным сторонником юридического позитивизма и классической теории уголовного права, считал невозможным отказ ни от учения о юридических лицах как юридической фикции, ни от принципа их уголовной безответственности. Он был убежден в том, что введение в законодательство института корпоративной уголовной ответственности означало бы отрицание основных начал уголовной ответственности и неизбежную замену ее мерами полицейского характера.

Как представляется, дело здесь не в индифферентности российской академической науки. Она непременно должна была считаться с прагматико-прикладным духом отечественного законодательства. Большинство категорий и принципов его формировалось судебной практикой в процессе применения норм права к конкретным жизненным условиям. Н. С. Таганцев писал по этому поводу, что начало безнаказанности юридических лиц воспринято и отечественной практикой, хотя и не без некоторого колебания [10, с. 315].

В пореформенный период социально-психологический фактор в конструкции «бестелесной» союзной личности – такая же фикция, как и сам институт уголовной ответственности юридических лиц. Напротив, в социологической теории роль этой нравственной категории, как структурного элемента состава преступления, становится определяющей при квалификации содеянного.

Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности – неудачная организационно-

правовая форма, однако ничего лучшего со времен учреждения института доверительного управления (trust) для рыночной экономики человеческая мысль и повседневная практика не придумали.

В контексте обсуждаемой проблемы сегодня следует обратить особое внимание на следующее важное обстоятельство: **в странах с развитой экономикой высоким темпам развития сопутствует установление уголовной ответственности юридических лиц. То есть установление такой ответственности за общественно опасное поведение субъектов коллективной предпринимательской деятельности способствует процветанию экономики и стабильным темпам ее роста.**

И эта связь предстает в качестве специфической закономерности, если иметь в виду следующее. С одной стороны, в системе рыночной экономики целью деятельности юридических лиц является получение прибыли. А неизбежная жесткая конкуренция заставляет изыскивать возможности для получения все более высокой прибыли. В этих условиях велик соблазн получать ее любыми, в том числе общественно опасными, способами. В связи с этим важнейшим средством обеспечения справедливой конкуренции становится уголовная ответственность недобросовестных корпораций, поскольку иные (административно-правовые и гражданско-правовые) средства противодействия оказываются недостаточными.

Подтверждением сказанного могут служить следующие факты. В законодательстве Китайской Народной Республики уголовная ответственность юридических лиц утвердилась к 1997–1999 гг., а сегодня Китай является страной со второй экономикой в мире.

В США преодоление тяжелых экономических кризисов 30-х и 60-х годов прошлого столетия было в значительной степени обеспечено благодаря внедрению практики уголовной ответственности преступных корпораций и конфискации их имущества. Такие же инструменты противодействия аналогичным кризисам в те же годы успешно применялись также в Италии и Франции¹.

¹ Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. 10 дек. URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/733016-echo/> (дата обращения: 05.01.2019).

as N. S. Tagantsev believes, is unconvincing. Such entities do not fit into the usual understanding of the subjective side of a crime. The will of a corporation is really expressed in the decision agreed between its members but this decision is not an expression of the will of all the corporation participants. Often, a charter of joint-stock company recognizes a decision taken by the majority of those present at the meeting as a legitimate one, although those present constitute only one third of the joint-stock company staff list. It is assumed that the absent majority is subjugated by the minority on the basis of its formal consent to any regulation adopted.

N. S. Tagantsev did not deny the historical significance of J. Mestre's sociological theory, nor his conclusions on significance of social unions' activity in the modern world. Nevertheless, being a consistent supporter of legal positivism and the classical theory of criminal law, considered it impossible to abandon either the doctrine of legal entities as a legal fiction or the principle of their criminal non-liability. He was aware that introduction of the corporate criminal liability institution into legislation would mean denial of basic principles of criminal liability and its inevitable substitution for the police-type measures.

As it seems, here the problem is not in the indifference of the Russian academic science. It certainly had to take into account the pragmatic and applied spirit of the domestic legislation. Most of its categories and principles were formed through judicial practice in the process of using the statutes of law in specific real-life conditions. In this regard N. S. Tagantsev wrote that the concept of legal entities' impunity was also conceived by the domestic practice, although with a certain amount of hesitation [9, p. 315].

In the post-reform period, the social and psychological factor in the structure of the 'bodyless' 'allied' personality was a fiction similar to the institution of corporate criminal liability itself. On the contrary, in sociological theory, the role of this moral category as a structural element of a crime becomes determinative for the committed offense classification.

A legal entity as a subject of criminal liability is a lame legal form of incorporation. How-

ever, the human thought and everyday practice have not invented anything better than for the market economy since the establishment of the 'trust' institution.

In the context of the problem in question, a special attention should be given to the following important fact: **in the countries with developed economies, high development rates are accompanied by the establishment of corporate criminal liability. That is, establishment of such liability for socially-dangerous behavior of collective business entities contributes to prosperity of the economy and its stable growth rates.**

This relation appears to be a specific regularity if the following is taken into account. On the one hand, in the market economy system, the goal of a legal entity's activities is to make profit; at the same time, the inevitable fierce competition forces business to seek for the opportunities to make higher and higher profit. Under these conditions, there is a great temptation to gain it by any possible means, including socially dangerous ways. In this regard, criminal liability of unscrupulous corporations becomes the most important means of ensuring fair competition, since other (administrative and civil) means of counteraction are insufficient.

This can be confirmed by the facts below. In the legislation of the People's Republic of China, criminal liability of legal entities was established by 1997–1999, and today China is a country with the second economy in the world.

In the United States, the severe economic crises of the 1930s and 60s were overcome to a large extent due to introducing the practice of criminal liability and deprivation of property for criminal corporations. The same tools to counter similar crises in the same years were also successfully used in Italy and France.¹

¹ Zorkin V. The Constitution Against Crime. *Russian Gazette*. October 12, 2010. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/statya/733016-echo/> (accessed 05.01.2019).

Исследователь истории становления института корпоративной уголовной ответственности юридических лиц Н. Е. Крылова сообщает, что первоначально корпоративная уголовная ответственность была закреплена в качестве особого института английского права – *regulatory offences*. По ее мнению, имелись в виду исключительно поступки, запрещенные теми особыми законами, которые регулировали отношения или в специфических сферах коммерческой, предпринимательской или какой-либо иной деятельности, которой субъект занимается профессионально [5, с. 49–51].

В случаях совершения подобных деяний создается угроза причинения вреда неопределенному кругу граждан, в связи с чем конкретный потерпевший, как правило, отсутствует. К их числу можно отнести, например, продажу спиртных напитков, предоставление транспортных или иных услуг. В целом подобные деяния классифицируются как материальные и относятся к числу преступлений строгой ответственности. Видимо, с учетом этого обстоятельства, закон не возлагает на суды при рассмотрении уголовных дел о таких преступлениях обязанность по выявлению и констатации вины субъекта в каком-либо ее виде. Для вынесения обвинительного приговора достаточно прийти к обоснованному выводу о наличии материальных признаков деяния.

По сходному сценарию утверждался институт уголовной ответственности юридических лиц и в законодательстве США. Конституционность такой ответственности признал в 1909 г. Верховный суд страны.

К началу XIX в. завершилась эпоха классической рыночной экономики, процветавшей ранее на основе свободной конкуренции. Постоянно усиливаются международные экономические связи, массово создаются мощные межгосударственные корпорации, которые становятся фактическими господами мира. Параллельно с этим процессом усиливаются международные связи национальных преступных сообществ, в том числе криминализованных юридических лиц, формируются международные преступные сообщества, деятельность которых явилась серьезной угрозой основам международной безопасности.

Международное сообщество вынуждено было объединить усилия для совместной разра-

ботки адекватных мер противодействия этим новым, грозным общепланетарным вызовам. Одной из форм по согласованию таких мер явились регулярные международные конгрессы, в том числе по проблемам противодействия преступной деятельности корпораций. На международном уровне соглашение о необходимости введения в национальное законодательство норм об уголовной ответственности юридических лиц было достигнуто на первом Международном конгрессе по уголовному праву 1929 г. [6, с. 215; 12, с. 296].

В контексте обсуждаемой здесь проблемы принципиально важными представляются решения Нюрнбергского Международного военного трибунала, созданного странами-победительницами по итогам Второй мировой войны для суда над главными военными преступниками. Трибунал признал **преступными** три организации: СС, гестапо, СД.

В документах многих международных конгрессов, посвященных проблемам противодействия современным мировым вызовам (коррупции, экологическим правонарушениям, терроризму, торговле людьми, торговле оружием, геноциду и экоциду и т. п.), неоднократно предлагались странам-участницам рекомендации о введении в национальные законодательства уголовной ответственности корпораций. Многие страны приняли во внимание эти рекомендации, и сегодня уголовная ответственность юридических лиц установлена в более чем одной трети стран мирового сообщества. Россия является участницей и подписантом этих соглашений, но корпоративную уголовную ответственность до сих пор не ввела.

Стоит обратить внимание на тот факт, что положения об уголовной ответственности коллективных субъектов наличествуют в законодательстве не только стран с типично буржуазной системой политической власти, но с 1997 г. и в Китайской Народной Республике, которая, как известно, управляется коммунистами. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что введение уголовной ответственности юридических лиц обусловлено исключительно типом экономической, рыночной системы хозяйствования, что это феномен рыночной экономики. И уже одно это свидетельствует об особой актуальности обсуждаемой проблемы.

N. E. Krylova, the researcher investigating the history of the institution of corporate criminal liability of legal entities, reports that corporate criminal liability was originally enshrined as a special institution of English law under the name of ‘regulatory offenses’. In her opinion, it referred only to the actions prohibited by special laws that regulated relations in the specific areas of commercial, business or any other activity in which the entity is professionally involved [5, pp. 49–51].

In case of such actions, there arises a risk of doing harm to an uncertain number of citizens, and therefore, as a rule, there is no specific victim. These actions include, for example, selling strong alcohol beverages, providing transport or other services. In general, such actions are classified as material actions and are among the strict liability crimes. Apparently, taking this circumstance into account, the law does not impose the obligation on courts to identify and ascertain the guilt of an entity in any form when handling criminal cases on such offenses. Reasonable conclusion about the presence of material elements in the action is sufficient to bring in the verdict of guilt.

A similar scenario was used to establish the criminal liability institution for legal entities in the US law. The constitutionality of such liability was acknowledged in 1909 by the Supreme Court of the country.

By early 19th century, the era of classical market economy (which earlier flourished with the free competition) came to the end. International economic relations constantly strengthen; powerful interstate corporations are being built in large numbers, becoming real masters of the world. In parallel with this process, international ties of national criminal communities including criminalized legal entities are getting stronger, there are being formed international criminal communities whose activities have become a serious threat to the principles of international security.

The international community was forced to unite efforts to jointly develop adequate measures

to counter these new, formidable planetary challenges. Regular international congresses became one of the forms for coordinating these measures, including the congresses addressing the issues of countering the criminal activities of corporations. At the international level, an agreement on the need to introduce regulations on criminal liability of legal entities into the national legislation was reached during the first International Congress on Criminal Law of 1929 [6, p. 215; 12, p. 296].

In the context of the issue discussed in this work, the decisions of the Nuremberg International Military Tribunal, organized by the victorious countries of the World War II for the trial of the main war criminals, are of fundamental importance. The tribunal declared three organizations **criminal**: the SS, the Gestapo, and the SD.

The recommendations to introduce corporate criminal liability into the national legislations were repeatedly given to the countries-participants in the documents of many international congresses devoted to the issues of countering modern world challenges (corruption, environmental offenses, terrorism, human trafficking, arms trafficking, genocide and ecocide, etc.). Many countries have taken these recommendations into account and today criminal liability of legal entities is established in more than one third of the countries of the world community. Russia is a participant and a signatory of these agreements, although it still has not adopted corporate criminal liability.

It is worth paying attention to the fact that the provisions on criminal liability of collective entities exist in legislations of not only countries with a typically bourgeois political system but, since 1997, – also in the legislation of the People's Republic of China, which is, as known, ruled by the Communists. This proves that the introduction of criminal liability for legal entities is solely conditioned by the type of the market economy system, and that it is a phenomenon of the market economy. Even this fact taken on its own underlines the particular topicality of the problem under discussion.

Несмотря на многолетнюю практику реализации законодательства об уголовной ответственности юридических лиц во многих странах, в том числе странах с развитой рыночной экономикой, проблема этой ответственности в теоретическом отношении остается достаточно сложной, а многие вопросы сегодня столь же спорны, как и сто пятьдесят лет назад. К числу особо дискуссионных относятся вопросы **о целесообразности уголовной ответственности юридических лиц и о возможности ее сопряжения с принципами индивидуальной и виновной ответственности.**

Современное состояние проблемы корпоративной уголовной ответственности в уголовно-правовой теории

Современные оппозиционеры идеи уголовной ответственности юридических лиц, так же как и их единомышленники давно минувших дней, акцентируют внимание на том, что социально-правовая сущность союзной личности как юридической фикции, вступает в противоречие с догматами классической школы о виновном действии (*actus reus*) и виновной воле, вине (*mens rea*). В этом отношении типичной является логика Р. Филимора. Уголовный закон, считает он, для своего применения должен «увидеть» индивидуальную волю деятеля, т.е. физического лица, которое только и может обладать таким качеством, будучи существом мыслящим, чувствующим. Между тем юридическое лицо названными свойствами не обладает и, несмотря на то, что в судебной практике воля управленцев корпорации иногда рассматривается как ее собственная воля, это относится к решению ограниченного круга вопросов, к числу которых вопросы их уголовной ответственности отношения не имеют [17, р. 5].

Противоречивую позицию по этой проблеме занимает К. С. Ханна. Не отрицая наличие, в сравнении с гражданской, административной ответственностью, ответственностью управляющих, ответственностью третьей стороны, у уголовной ответственности юридических лиц некоторых позитивных свойств, тем не менее резюмирует, что такая ответственность не выполняет почти никакой функции, а других аргументов в ее пользу недостаточно [16, р. 501].

На этом фоне приведенный ею солидный перечень преимуществ уголовной ответственности юридических лиц, в сравнении с достоинствами иных видов правовой ответственности, выглядит как весьма серьезный довод в пользу такой ответственности. [16, р. 1501].

В качестве главного контраргумента К. С. Ханна выдвигает финансовые преимущества гражданской ответственности в сравнении с уголовной при решении вопроса об ответственности юридических лиц за совершение общественно опасных деяний. Но, во-первых, автор не приводит результаты исчисления фактических финансовых затрат на осуществление уголовной ответственности, в сравнении с ответственностью гражданско-правовой; во-вторых, не сообщается методика подсчета таких сравнительных затрат; в-третьих, автор игнорирует отдаленные последствия преступных действий корпораций, как и нравственные издержки сообщества, возможность подсчета масштабов которых с использованием денежного эквивалента весьма сомнительны. Кроме того, при таком подходе искусственно девальвируется ценность уголовной ответственности как социального института, а ее роль ограничивается теми ситуациями, когда возникает острая необходимость в усилении репрессий. В связи с этим выводы К. С. Ханны представляются необоснованными.

Аргументы сторонников корпоративной уголовной ответственности представляются более убедительными

В частности, М. Л. Расса обращает внимание на следующее важное обстоятельство. В связи с постоянной кадровой ротацией в рамках корпорации может сложиться ситуация, когда в далеком прошлом прежним руководителем было принято определенное управленческое решение, общественно опасные последствия которого обнаружались при новом управлении. Применение санкций к последнему означало бы не что иное, как ответственность без вины и нарушение принципа индивидуальной ответственности. А в связи с отсутствием в законодательстве страны института уголовной ответственности юридических лиц и сокращенными сроками гражданско-правового и административно-правового производства общественно опасная деятельность корпорации оказалась бы вообще безнаказанной.

Despite the longstanding practice of enforcing the legislation on criminal liability for legal entities in many countries, including countries with developed market economies, the problem of this liability in its theoretical sense is still rather complicated, and many issues today are as controversial as they were 150 years ago. Among the most controversial ones are the issues **concerning the expedience of criminal liability for legal entities and the possibility of combining it with the principles of individual and fault-based liability.**

Current Status of the Corporate Criminal Liability Issue in the Criminal Law Theory

Today's opponents of the idea of criminal liability for legal entities, in line with the like-minded individuals of the bygone days, emphasize that the social and legal essence of an allied entity as a legal fiction contradicts the tenets of classical school on the action of guilt (*actus reus*) and guilty will, guilt (*mens rea*). In this respect, typical is the logic of R. Filimor. As he believes, for criminal law to be applied, this law must 'see' the individual will of the doer, i.e. of the natural person who can solely possess such a feature being a thinking and feeling creature. Meanwhile, a legal entity does not have these properties; and despite the fact that in judicial practice the will of corporation managers is sometimes assumed as the company's will, this refers to solving a limited number of issues that do not include the issues of criminal liability [17, p. 5].

K. S. Khanah has a controversial opinion on this problem. He does not deny that criminal liability of legal entities possesses some favorable properties as compared to civil and administrative liability, liability of managers, liability of the third party. Nevertheless, he summarizes that such liability fulfils almost no function and other arguments in support of it are not sufficient [16, p. 501].

Against this background, the substantial list of advantages presented by K. S. Khanna and

demonstrating the advantages of criminal liability for legal entities compared to the merits of other types of legal liability looks like a very serious reasoning in favor of such liability [16, p. 1501].

As the main counterargument, K. S. Khanna puts forward financial advantages of civil liability in comparison with criminal responsibility when addressing the issue of corporate liability for committing socially dangerous acts. However, firstly, the author does not provide any estimations of the actual financial costs of criminal liability vs. civil liability; secondly, the estimation technique for such comparative costs is also not reported; thirdly, the author ignores the long-term consequences of criminal actions of corporations as well as the moral charges which can hardly be estimated in monetary terms. Moreover, in this approach, the value of criminal liability as a social institution is artificially devalued and its role is limited to those situations when there is an urgent need to strengthen punitive measures. For this, the conclusions of K. S. Khanna seem unreasoned.

The arguments presented by the proponents of corporate criminal liability seem more convincing.

In particular, M.-L. Rassat draws attention to the following important circumstance. Due to the constant personnel's rotation within a corporation, a situation may arise when a certain managerial decision was made in the distant past by the former manager while socially dangerous consequences of this decision were revealed under the new manager. Sanctions applied to the latter would mean nothing but liability with no guilt and violation of the individual liability principle. And due to the absence of the criminal liability institution for legal entities in the country's legislation and shortened periods of civil and administrative legal proceedings, the socially dangerous activities of the corporation would remain unpunished at all.

В сравнении с отечественными противниками уголовной ответственности юридических лиц М. Л. Расса придерживается той позиции, что, хотя сообщество состоит из физических лиц, отождествлять его с его участниками нет достаточных оснований. Корпорация обладает собственной волей, которая оформляется в решениях, принятых квалифицированным большинством его участников.

Очевидно, что М. Л. Расса – яркий представитель того направления юристов, которые хотя и признают юридическое лицо фикцией, но наделяют его собственной волей, отличной от воли составляющих его физических лиц. В связи с этим рассматривают как несправедливость возложение уголовной ответственности за аморальное деяние корпоративного субъекта (юридического лица) на определенную персону (физическое лицо), тем более в ситуации, когда, в силу сложившихся обстоятельств, последняя объективно была лишена возможности влиять на содержание своего поведения, причинно связанного с наступившими последствиями.

Также и Ги Стессенс приводит убедительные доводы в пользу идеи уголовной ответственности союзной личности. Он подчеркивает, во-первых, что привлечение к ответственности только физических лиц, которые совершили опасное деяние в интересах юридического лица или с использованием его возможностей, с большой степенью вероятности окажется не только несправедливым, но и бесперспективным с точки зрения создания нормальных условий для развития корпорации, поскольку само по себе не может изжить структурные ошибки и упущения, заложенные в программу ее деятельности другими управленцами или коллективными органами перспективного планирования; во-вторых, уголовная ответственность осуществляется в рамках таких процессуальных гарантий, которые не свойственны административно-правовой, гражданско-правовой и иным видам правовой ответственности; в-третьих, в интересах повышения эффективности всей системы противодействия аморальной деятельности корпораций появляется возможность не только применять более строгие меры правового принуждения, но и эксплуатировать сам факт осуждения от имени государства в качестве инструмента стигматизации;

в-четвертых, в связи со сложившейся практикой международных отношений, государство получает более широкие возможности правовой помощи зарубежных партнеров при производстве по уголовным делам, нежели по административным материалам [18, p. 503].

При всей привлекательности позиции Ги Стессенса, включающего в систему оценок ценности корпоративной уголовной ответственности категорию справедливости, обращает на себя внимание его непоследовательность в выборе критериев оценки ценности корпоративной уголовной ответственности. С одной стороны, он включает в эту систему оценок категорию справедливости, с другой стороны, справедливость считает синонимом целесообразности.

Анализируя взгляды Ги Стессенса и других его единомышленников по исследуемой проблеме, нельзя не заметить, что противниками уголовной ответственности юридических лиц являются те исследователи, которые руководствуются идеей целесообразности. Между тем сторонники такой ответственности исходят из соображений справедливости. Это надо иметь в виду и при оценке взглядов на проблему отечественных ученых.

Почему потерпели неудачу попытки ввести в российское законодательство институт уголовной ответственности юридических лиц?

Россия до сих пор не ввела уголовную корпоративную ответственность, несмотря на то, что ею подписаны, а затем и ратифицированы ряд международных соглашений, в которых содержатся рекомендации о введении такой ответственности в национальное законодательство, поскольку на международном уровне юридические лица признаются субъектами преступлений. В связи с этим возникает естественный вопрос: почему так происходит, почему бесплодными оказались не только соответствующие инициативы ряда авторитетных исследователей, но также законом не стал ни один из проектов, внесенных в Государственную Думу Следственным комитетом РФ?

Первая такая попытка была предпринята в 90-е годы прошлого столетия. Разработчики проекта нового УК РФ (принятого в 1996 г.), занимая по этому поводу совершенно опреде-

In comparison with domestic opponents of corporate criminal liability, M.-L. Rassat adheres to the position that, although the community consists of natural persons, there is no sufficient basis to identify the community with its participants. A corporation has its own will, which is documented in decisions made by a qualified majority of its participants [13, p. 49].

It is obvious that M.-L. Rassat is a prominent representative of that stream of lawyers who take a legal entity as fiction, though endowing it with its own will, other than the will of its constituent individuals. In this regard, it is considered a breach of justice to impose criminal liability for the immoral action of a corporate entity (legal entity) on a certain person (individual), especially in a situation where, due to the circumstances, the latter was objectively deprived of the opportunity to influence the content of his behavior, causally associated with the consequences.

Guy Stessens also gives convincing reasoning in favor of the idea of criminal liability of an allied entity. He emphasizes, firstly, that bringing to justice only those natural persons who have committed a dangerous action for the benefit of a legal entity or using its capacities, with a high degree of probability would be both unfair and having no prospects in terms of creating normal conditions for the corporation's development because it cannot by itself overcome the structural errors and omissions introduced into its activity program by other managers or joint strategic planning bodies; secondly, criminal liability is exercised within such procedural guarantees that are not typical of administrative, civil and other types of legal liability; thirdly, for increasing the effectiveness of the entire system of struggling against the immoral behavior of corporations, it is possible both to apply more stringent measures of legal coercion and to utilize the fact of condemnation on behalf of the state as a tool of stigmatization; fourthly, in compliance with the established practice of in-

ternational relations, the state gets more opportunities for getting legal support from its foreign partners in criminal rather than in administrative proceedings [18, p. 503].

Despite the attractiveness of the position of Guy Stessens, who includes the category of justice in the value system of corporate criminal liability, interesting is his inconsistency in the choice of benchmarks for assessing the value of corporate criminal liability. On the one hand, he includes the category of justice into this assessment system; on the other hand, justice is considered synonymous with expediency.

Analyzing the views of Guy Stessens and like-minded individuals on the discussed issue we cannot fail to notice that the opponents of the concept of criminal liability for legal entities are the researchers guided by the idea of expediency. Meanwhile, supporters of such liability are guided by considerations of justice. This must be borne in mind when assessing the views of Russian scientists on the issue.

Why the Attempts Failed to Introduce the Institution of Criminal Liability for Legal Entities into the Russian Legislation?

Russia has not yet introduced corporate criminal liability despite the fact that it has signed and ratified a number of international agreements that contain recommendations on introducing such liability into the national legislation since legal entities are internationally recognized as subjects of crimes. In this regard, there naturally arise questions why this is happening, why both the relevant initiatives of a number of competent researchers ran aground and none of the projects submitted to the State Duma by the Investigation Committee of the Russian Federation turned into law.

The first attempt of the kind was made in the 1990s. The developers of the draft new Criminal Code of the Russian Federation (adopted in 1996),

ленную, четкую позицию, предлагали предусмотреть в Кодексе специальный раздел, нормы которого посвящались бы вопросам основания и условий уголовной ответственности юридических лиц, а также перечню видов общественно опасных деяний, за совершение которых должна наступать уголовная ответственность юридических лиц, и уголовных наказаний за совершаемые ими преступления.

Однако это предложение при обсуждении в Госдуме не прошло и УК РФ в этой части остался на прежних позициях. Позже Следственным комитетом РФ неоднократно вносились на обсуждение Госдумы РФ разработанные его сотрудниками варианты решения проблемы корпоративной уголовной ответственности. Ни один из этих проектов законом не стал. Справедливости ради следует сказать, что эти документы имели определенные недостатки.

Среди отечественных сторонников уголовной ответственности юридических лиц сложилось практически единодушное мнение о том, что введение такой ответственности будет оправданным только при условии сохранения в неприкосновенности тех концептуальных положений, которые положены в основу действующего УК РФ, в том числе традиционного для российской уголовно-правовой теории и уголовного законодательства постулата личной виновной ответственности, закрепленного в статьях 5 и 19 УК РФ. Имея в виду названное табу, авторы законопроекта предложили следующую модель: во-первых, суд не должен наделяться правом установления фактов наличия или отсутствия в деянии юридического лица признаков какого-либо преступления и вины, как и правом признания корпорации субъектом преступления; во-вторых, поскольку коллективный субъект не обладает ни сознанием, ни волей, ее вина и ответственность могут быть только производными от вины и оснований ответственности тех физических лиц, которые непосредственно осуществляют общественно опасную деятельность; в-третьих, юридическое лицо, от имени которого или в пользу которого совершено общественно опасное деяние, не может подвергаться уголовному наказанию, ему могут назначаться только иные меры уголовно-правового принуждения.

Авторы этой весьма оригинальной и не менее противоречивой конструкции не являют-

ся пионерами подобного решения обсуждаемой проблемы. Ранее профессор Б. В. Волженкин уже озвучил идею о необходимости различения понятий « субъект преступления » и « субъект уголовной ответственности ». Первым может быть только физическое лицо (человек), вторым – корпорация [3, с. 28].

Такая новелла не могла быть принята в качестве основы института уголовной ответственности коллективных субъектов. Дело в том, что, в соответствии с действующим российским уголовным законодательством, назначение субъекту как уголовного наказания, так и иных мер уголовно-правового характера допустимо только тогда, когда судом бесспорно доказано наличие в содеянном составе какого-либо преступления и установлена его вина в совершении этого деяния. Иное решение означало бы грубейшее нарушение закона, т. е. беззаконие.

Кроме того, в законопроекте сформулировано принципиально неприемлемое предложение распространить действие некоторых уголовно-правовых норм, изначально предназначенных для нужд уголовной ответственности физических лиц, на случаи привлечения к уголовной ответственности юридических лиц [2, с. 182–193].

Несмотря на то, что инициатива Следственного комитета РФ не была поддержана Госдумой РФ, следует признать, что сам факт ее обсуждения на столь высоком уровне свидетельствует как о важности и сложности проблемы, так и о неоднозначном отношении к ней и законодателей, и практиков, и теоретиков права. Более удачным был законопроект Следственного комитета 2015 года, хотя и он имел недостатки, о чем речь ниже [2, с. 172–193].

Одной из причин, в силу которой в законодательстве России не предусмотрен институт уголовной ответственности юридических лиц, является отсутствие в уголовно-правовой теории консенсуса по двум вопросам: 1) о целесообразности такого института; 2) о возможности включения такого института в уголовное законодательство РФ без посягательства на его концептуальные положения о персональной и виновной ответственности.

Автор данной статьи предлагает следующее решение этих проблемных вопросов.

Итак, первый вопрос. Имея в виду ограниченное пространство статьи, здесь нет необходимости подвергать критическому анализу

taking a very definite and clear position on this matter, suggested supplementing the Code with a special section which would cover the grounds and the conditions for criminal liability of legal entities, as well as specify the types of socially dangerous actions which would entail criminal liability for legal entities, and also the criminal penalties for committed crimes.

However, this proposal was rejected during the discussion in the State Duma, and the Criminal Code of the Russian Federation remained unchanged in this respect. Later, the Investigative Committee of the Russian Federation repeatedly submitted its proposals concerning the issue of corporate criminal liability for discussion in the State Duma of the Russian Federation. None of these bills turned into law. In fairness, it should be said that these documents had certain drawbacks.

The domestic proponents of criminal liability for legal entities had almost unanimous opinion that implementing such liability would be justified only in case of keeping intact the conceptual provisions underlying the current Criminal Code of the Russian Federation, including the tenet of a *'fault-based individual liability'*, traditional for the Russian criminal legislation theory and criminal law, formalized in Art. 5 and 19 of the Criminal Code. In view of the above taboo, the authors of the bill proposed the following model: first of all, the court should not be given the right to establish the signs of crime or guilt in the activities of a legal entity, neither the court should have the right to recognize a corporation as a subject of a crime; secondly, since a collective subject has neither consciousness nor will, its guilt and liability can only be derived from the guilt and the grounds for liability of those individuals who directly perform socially dangerous activities; thirdly, a legal entity on whose behalf or in whose favor a socially dangerous action was committed cannot be criminally punished; only other measures of criminal law coercion can be imposed on it.

The authors of this rather original and controversial scheme are not the pioneers in proposing such a solution to the discussed issue. Profes-

sor B.V. Volzhenkin earlier pronounced the idea of the necessity to distinguish between the concepts of 'subject of crime' and 'subject of criminal liability'. The first concept can only refer to an individual (physical person), the second concept – to a corporation [3, p. 28].

Such a legislative innovation could not be accepted as the basis of the criminal liability institution for collective subjects. The point is that, in compliance with the current Russian criminal legislation, inflicting both criminal penalties and other criminal punishment measures on an entity is only possible after the court undoubtedly proves the presence of any crime components and finds the entity's guilt in the committed action. Any other decision would mean a gross violation of law, that is, an unlawful act.

In addition, the bill contains a fundamentally unacceptable proposal to extend the effect of some criminal regulations, which were originally intended for solving issues of criminal liability for individuals, to cases when legal entities are brought to criminal liability [2, pp. 182–193].

Although the initiative of the Investigative Committee of the Russian Federation was not supported by the State Duma of the Russian Federation, it should be admitted that the very fact of this initiative being discussed at such a high level speaks for the importance and the complexity of the problem, and for the ambiguous attitude of the legislators, legal experts and theorists towards it. The Investigative Committee's bill of 2015 was more successful, although it also had drawbacks, as discussed below [2, pp. 172–193].

One of the reasons why the Russian legislation does not establish the institute of corporate criminal liability is the lack of consensus in criminal law theory with regard to the following two aspects: 1) the practicability of this institution; 2) the possibility of including this institution into the criminal legislation of the Russian Federation without affecting its conceptual provisions on personal and fault-based liability.

The author of this paper proposes the following solution to these problematic issues.

Issue 1. In view of the limited size of the article, there is no need to critically analyze

аргументы тех авторов, которые считают нецелесообразным введение в России уголовной ответственности юридических лиц, поскольку, во-первых, эти взгляды во многом созвучны взглядам некоторых зарубежных авторов, о чем шла речь выше; во-вторых, лучшей критикой этих взглядов представляются аргументы в пользу введения в законодательство института уголовной ответственности юридических лиц.

В частности, весьма веские аргументы на этот счет представлены авторами пояснительной записки к проекту закона Российской Федерации от 2011 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», разработанному в Следственном комитете РФ. Многие положения, сформулированные в названном документе, заслуживают внимание с учетом следующих поправок:

– в последние годы в России наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа преступлений, совершаемых с использованием юридических лиц или в их интересах. Масштабы этого явления позволяют утверждать, что российская правовая система имеет дело с вполне сформировавшимся новым видом преступности – корпоративной преступностью;

– действующее материальное и процессуальное гражданское, административное, уголовное законодательство не может адекватно противостоять этому виду преступности, что создает реальную угрозу экономической безопасности государства, а также интересам законопослушных участников рыночных отношений. В частности, она негативно влияет на инвестиционную привлекательность России (существенно повышает инвестиционные риски, связанные с незащищенностью российских финансовых инструментов от преступных посягательств), что стимулирует отток капитала из страны. Преступность юридических лиц дестабилизирует фундаментальные основы экономики, подрывает основы здоровой конкуренции, что сдерживает развитие малого и среднего бизнеса, напрямую обуславливает рост инфляции, увод капитала в теневой сектор экономики и в целом – спад основных экономических показателей;

– преступность юридических лиц служит питательной средой для повышения уровня криминогенности общества, что чревато трансформацией его из криминально зараженного в сугубо криминальное;

– эта преступность создает условия для процветания таких опаснейших явлений, как коррупция, экологическая преступность, финансирование терроризма, организованной преступности, группового казнокрадства и мошенничества;

– действующее российское законодательство в области противодействия преступности юридических лиц не отвечает мировым стандартам;

– отсутствие в УК РФ положений об ответственности и наказании за совершение преступлений юридических лиц и наличие таких положений в административном законодательстве нарушает принцип строгой кодификации уголовного законодательства, противоречит основам формирования отраслей права;

– сокращенные сроки административного производства по делам об аморальной деятельности корпораций и невозможность проведения в его рамках оперативно-розыскных мероприятий не позволяют оперативно и качественно размаывать сложные преступные финансовые схемы;

– применение административно-правовых мер воздействия к юридическим лицам, участвующим в совершении преступления, не соответствует рекомендациям международных конвенций о противодействии коррупции.

Позже, в 2015 г., Следственный комитет усилил аргументацию рядом других серьезных положений в пояснительной записке к очередному проекту закона об уголовной ответственности юридических лиц.

Поддерживая инициативу Следственного комитета о необходимости введения в России института уголовной ответственности юридических лиц и его аргументы, разумным представляется иметь в виду наряду с аргументами, представленными разработчиками упоминавшегося выше проекта закона, следующие соображения. Назначение строгого административного наказания, по силе равного, а иногда и превышающего пределы уголовных наказаний, девальвирует саму идею уголовной ответственности, стирая грань между нею и административной ответственностью.

the reasoning of those authors who consider it inappropriate to institute criminal liability for legal entities in Russia because, firstly, these views are in many ways consonant with the views of some foreign authors as discussed above; secondly, what seems the best criticism for these views is good reasoning in favor of introducing criminal liability for legal entities in the legislation.

In particular, rather weighty arguments in this respect were presented by the authors of the Explanatory Note to the Draft Bill of the Russian Federation of 2011 ‘Concerning the Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation due to Establishment of the Institution of Criminal Liability for Legal Entities’ prepared in the Investigatory Committee of the Russian Federation. Many of the provisions formulated in this document are especially noteworthy, taking into account the following:

– In recent years, Russia has been witnessing a steady increase in the number of crimes committed with the use of legal entities or in their favor. The scale of this phenomenon suggests that the Russian legal system is dealing with a quite developed new type of crime, i.e. corporate crime.

– The current substantive and procedural civil/ administrative/ criminal legislation is not able to adequately counteract this type of crime. This creates a real threat to the economic security of the state, as well as to the interests of law-abiding participants in the market. In particular, it adversely affects the investment attractiveness of Russia (significantly increases the investment risks associated with vulnerability of Russian financial tools to criminal offense), which stimulates the outflow of capital from the country. Criminal activities of legal entities destabilize the fundamental principles of the economy and disrupt the basis of the healthy competition; this, in its turn, restrains the development of small and medium businesses, directly drives the escalation of inflation, pulls the capital to the shadow economy and generally declines the major economic indicators;

– Criminality of legal entities serves as a growth-supporting environment for raising the level of criminality in society; and this poses risks

of the society’s transformation from the criminally-infected to the purely criminal one;

– This criminality creates conditions for the flourishing of such dangerous phenomena as corruption, environmental crime, financing of terrorism, organized crime, gang embezzlement of public funds and fraud;

– The current Russian legislation in the area of counteracting crime of legal entities does not meet the world standards;

– The absence of specific provisions in the Criminal Code of the Russian Federation covering liability and punishment for crimes committed by legal entities, and the presence of such provisions in the administrative legislation violates the principle of strict codification of criminal legislation and contradicts the fundamentals of forming the branches of law.

– The shortened length of the period for administrative proceedings for handling the cases of immoral activities of corporations and the impossibility to carry out investigative activities within the scheduled time do not allow to quickly and accurately unwind complex criminal financial schemes;

– Applying administrative procedures against legal entities convicted of a crime does not comply with the anti-corruption recommendations of international conventions.

Later, in 2015, the Investigative Committee reinforced its arguments by a number of other serious provisions given in the Explanatory Note to another draft bill on criminal liability for legal entities.

While supporting the Investigative Committee’s initiative concerning the need to institute criminal liability for legal entities in Russia and the Committee’s arguments to justify the initiative, it seems reasonable to account for the following considerations together with the arguments presented by the developers of the above-mentioned draft bill. Strict administrative punishment, equal or sometimes exceeding the limits of criminal penalties, through its severity depreciates the idea of criminal liability, erasing the line between that and administrative liability.

Иллюстрацией к сказанному может служить следующая информация: суд КНР по одному из уголовных дел, признав юридическое лицо виновным в совершении преступления, назначил ему наказание в виде штрафа в размере 5 млрд юаней (20 млрд руб.) [4, с. 37]. Можно представить, каким диссонансом явилось бы такое наказание, будь оно назначено в рамках административно-правовой процедуры.

Принимая во внимание общепреventивный эффект самого факта официального, от имени государства, объявления какого-либо общественно опасного деяния преступлением, следует также задуматься над тем, что отказ от криминализации таких деяний в случае совершения их юридическими лицами может в общественном сознании ассоциироваться с их легализацией.

И, наконец, следует иметь в виду и политический аспект обсуждаемой проблемы, на который ранее обратил внимание Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. Аморальный капитал, утверждает он, противодействует созданию здоровых основ российской социальной, политической и экономической жизни. Он «посягает на все социальные скрепы. Он разлагает ткань нашего весьма незрелого гражданского общества. А порою ... и выступает в качестве соискателя на роль социального начала, подменяющего собой гражданское общество»¹. Оценивая эту проблему не только как актуальнейшую, но и как ключевую, системообразующую, выдающийся юрист и политический деятель делает неутешительный прогноз: в современной России на волне этих грозных явлений нельзя считать фантастической модель развития ситуации с приходом к власти тоталитарного, в том числе фашистского, режима².

Авторский вариант формулы уголовной ответственности союзной личности

По второму вопросу (о возможности включения института уголовной ответственности юридических лиц в уголовное законодательство РФ без посягательства на его концептуальные положения о персональной и виновной ответственности) предлагается следующий вариант решения.

¹ Зорькин В. Указ соч.

² Там же.

Кризис, в котором оказалась отечественная уголовно-правовая доктрина в вопросе об основаниях уголовной ответственности юридических лиц, заключается в неразработанности формулы такой ответственности. Выход видится в том, чтобы адаптировать для этих целей испытанную временем формулу уголовной ответственности физического лица, внося в нее соответствующие коррективы с учетом особенностей объективных признаков общественно опасных деяний, совершаемых юридическими лицами и специфики их вины.

Чтобы раскрыть сущность преступления как негативного социального явления, часто недостаточно ограничиться его определением, необходимо назвать и раскрыть содержание его существенных признаков. В рамках классической формулы, как известно, к их числу относятся: 1) общественная опасность; 2) противоправность; 3) виновность; 4) наказуемость. В контексте проблемы корпоративной уголовной ответственности эти признаки отличаются следующим.

К оценке **общественной опасности** преступной деятельности корпораций, в отличие от подобной деятельности физического лица, следует подходить, имея в виду не только ее социально-правовую природу, но и ее принадлежность к специфическому **социальному слою**, творящему **социальное зло**, – к криминальному капиталу.

Сложность оценки общественной опасности криминальной деятельности корпораций заключается в следующем: во-первых, в стране не ведется статистический учет таких деяний, поэтому единственным источником относительно достоверной информации являются официальные сообщения некоторых государственных учреждений о масштабах коррупции, размерах ущерба, причиняемого всякого рода злоупотреблениями чиновников, о числе граждан, пострадавших от потребления некачественных напитков, продуктов питания, медикаментозных средств; во-вторых, реальных масштабов общественно опасной деятельности корпораций сегодня в России не знает никто в связи с высоким уровнем латентности таких деяний; в-третьих, оценка ситуации осложняется, как это ни парадоксально, не отсутствием информации, а избытком отдельных, чаще всего резонансных (благодаря средствам мас-

The following information can illustrate the above: in one of the criminal cases, the China Court found a legal entity guilty of committing a crime and sentenced it to a fine of 5 billion yuan (20 billion rubles) [4, p. 37]. It makes no doubt that such a punishment would cause a great discord if it were imposed within the administrative legal procedure.

Taking into account the general preventive effect of the official declaration (i.e. declaration on behalf of the state) of some socially dangerous action to be a crime, it is important to remember that the refusal to criminalize such actions when they are performed by legal entities may be associated in the public opinion with legalization of these actions.

Finally, we should consider the political aspect of the discussed issue, which was earlier in focus of V.D. Zorkin, the Chairman of the RF Constitutional Court. Immorally acquired capital, as he asserted, counteracts the 'healthy' basis of the Russian social, political and economic life. It 'encroaches on all social tenets. It contaminates the tissue of our rather immature civil society. And sometimes ... acts as a candidate for the role of a social phenomenon that could substitute for the civil society'.¹ Ranking this problem as the one of the highest priority, being of the key importance, the outstanding lawyer and politician makes a disappointing prediction: on the wave of these intimidating phenomena in today's Russia, the scenario when a totalitarian, including fascist, regime comes to power, should not be considered fantastic².

The Author's Version of the Formula for Criminal Liability of the Allied Entity

As for *Issue II* (on feasibility of including corporate criminal liability into the criminal legislation of the Russian Federation without affecting its conceptual provisions on personal and fault-

¹ Zorkin V. The Constitution Against Crime. *Russian Gazette*. December 10, 2010. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/statya/733016-echo/> (accessed 05.01.2019).

² Ibid.

based liability), the following solution is proposed.

The crisis of the domestic criminal law doctrine in terms of the grounds for corporate criminal liability consists in the immaturity of the formula for this liability. We see the way out in adapting for these purposes the time-proven formula of criminal liability of an individual through making appropriate adjustments to it with due account for the characteristics of the objective signs of socially dangerous actions committed by legal entities and of the specifics of their guilt.

To reveal the essence of a crime as of an adverse social phenomenon, it is often not sufficient to only provide its definition – it is also necessary to list and specify the content of its essential features. As known, within the classical formula the essential features include 1) danger to the public, 2) unlawfulness, 3) guilt, 4) penal consequences. In the context of corporate criminal liability, these features are as follows.

When assessing **danger to the public** of criminal activities of corporations compared to such activities of an individual, the chosen approach should account not only for the social and legal nature of the activity but for its affiliation to the specific **social stratum** that does **social evil**, i.e. criminal capital.

The difficulty in assessing the public danger of criminal activity of corporations lies in the following: first, there are no statistics records on such actions in the country, therefore the only sources of relatively reliable information are the official reports of some government agencies on the level of corruption, size of damage caused by officials' abuse of power, the number of citizens affected by the consumption of poor-quality beverages, food, drugs; secondly, the real range of socially dangerous activities of corporations in Russia today is not known to anybody due to the high latency of such acts; thirdly, assessment of the situation is paradoxically complicated not by the lack of information but by the abundance of separate, mostly resonant (because of the mass media involvement) events – and this does not provide a coherent picture of the object under study.

совой информации) событий, что не обеспечивает формирование целостной, объемной картины объекта исследования. Поэтому задача исследователя заключается в том, чтобы по крупицам из официальных сайтов Департамента судов Верховного Суда РФ, Генеральной прокуратуры, Росстата, Роспотребнадзора, Минздравсоцразвития, МВД РФ извлечь интересующую информацию об аморальной деятельности капитала и в доступной форме представить ее на суд читателя. Яркими дополнениями к картине этого явления могут быть сообщения судебно-следственных органов России о наиболее «громких» криминальных событиях последних лет, убеждающих в том, что антиобщественная деятельность юридических лиц достигла размеров грозного национального вызова.

К числу особо опасных явлений в современной России относится коррупция, достигшая невиданных масштабов. 4 июля 2018 г. в сети Интернет обнародовано сообщение депутата Государственной Думы России 3, 4, 5, 6-го созывов Г. В. Гудкова о том, что ежегодные потери России от коррупции, по экспертным оценкам, равны примерно 10 трлн руб., что уже приближается к размеру годового бюджета страны. Ежегодно из России выводится порядка 200–300 млрд долл. США¹. Аналогичные данные ранее называл президент фонда ИНДЕМ Г. Сатаров².

Коррупционные издержки предпринимательского сообщества составляют около 50% всех расходов. Около 50% всей экономики России находится в тени коррупции. По подсчетам экспертов коррупционный оборот по стране составляет около половины ВВП³.

Счетная палата за 2017 год выявила нарушения на 1,865 трлн руб. Об этом сообщил глава ведомства Алексей Кудрин в ходе выступления 20 июня 2018 г. в Госдуме. По его словам, эта сумма почти вдвое больше, чем в 2016,

и в 3,5 раза больше, чем в 2015. Из этой суммы больше 40 % пришлось на нарушения ведения бухучета, а 32 % – на нарушения при формировании и исполнении бюджетов.

Кудрин подчеркнул, что из 1,865 трлн руб. на «Роскосмос» пришлось 760 млрд⁴.

Коррупция многолика, однако сегодня больше «живет» в реальности незаконного лоббизма, конфликта интересов, нарушения запретов и ограничений, использования иностранных финансовых инструментов, отмывания денежных средств⁵.

Из всех коррупционных преступлений наибольшую угрозу национальной безопасности представляет взяточничество. В интервью газете «Коммерсант» Генпрокурор РФ Ю. Чайка сообщил, что за девять месяцев 2018 года было выявлено 139,5 тыс. коррупционных нарушений, в том числе 25 тысяч преступлений коррупционной направленности, осуждены более 8,5 тысяч человек. Количество преступлений, связанных с коррупцией, составляет 1,7 % от общего количества совершенных в РФ преступлений, между тем сумма ущерба равна 11% от ущерба, причиненного всеми видами преступлений, совершенных в Российской Федерации за год⁶.

Особую тревогу вызывает то, что коррупционерами становятся чиновники, которые по долгу службы обязаны бороться с коррупцией. В 2016 г. за получение взятки и злоупотребление должностными обязанностями арестован начальник управления «Т» антикоррупционного главка (ГУЭБиПК) МВД России Захарченко. При обыске в его автомашине и квартире его родственников изъято валюты около 9 млрд руб.⁷ В 2017 г. осужден за получение взятки в сумме 2 млн долл. министр экономического развития России Улюкаев⁸.

⁴ Счетная палата выявила нарушения на 1,8 триллиона рублей. URL: <https://ria.ru/20180620/1523062714.html> (дата обращения: 16.12.2018).

⁵ Вопрос дня: какова же реальная коррупция в России?

⁶ Генпрокурор Юрий Чайка назвал сумму ущерба от коррупционных преступлений в РФ за 2018 год. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1428518/> (дата обращения: 16.12.2018).

⁷ Полковник на 9 миллиардов. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/10/10186901.shtml#> (дата обращения: 10.12.2018).

⁸ Суд приговорил Улюкаева к 8 годам строгого режима. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/12/2017/5a3292749a79478fb1606186> (дата обращения: 15.12.2018).

Therefore, the task of the researcher is to extract the relevant information about immoral activity of the capital bit by bit from the official websites of the Department of Courts of the Supreme Court of the Russian Federation, the General Prosecutor's Office, the Federal State Statistics Service (Rosstat), the Federal Supervisory Natural Resources Management Service (Rospotrebnadzor), the Ministry of Health and Social Development, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and to present this information in an accessible form to the judgement of the reader. The picture can be complimented with the reports of the judicial investigative bodies of Russia about the most sensational criminal events of recent years, indicating that anti-social activities of legal entities have reached the scale of a formidable national challenge.

Corruption that has reached an unprecedented scale is among the most dangerous phenomena in Russia of today. On July 4, 2018, on the Internet there was published a report of G.V. Gudkov, a deputy of the Russian State Duma (3rd, 4th, 5th, 6th convocations). He reported that, according to expert estimates, annual losses from corruption in Russia constitute about 10 trillion rubles, this amount approaching the size of the country's annual budget. About 200–300 billion USD are offshored from Russia annually¹. Similar data were previously disclosed by the President of INDEM Foundation, G. Satarov².

The corruption costs of business community constitute about 50% of all expenses. About 50% of the entire Russian economy is in the shadow of corruption. According to experts, the corruption level in the country is about half of GDP³.

The offenses committed in 2017 and revealed by the Chamber of Accounts amounted to 1.865 trillion rubles. This was announced by the head of the agency Alexei Kudrin in his speech in the State Duma on June 20, 2018. According to his version, this amount was almost twice as much as in 2016, and 3.5 times bigger than in 2015. More than 40 percent of this amount fall within accounting viola-

¹ The question of the day: what is the real corruption level in Russia? Available at: <https://newizv.ru/news/politics/04-07-2018/vopros-dnya-kakova-zhe-realnaya-korrupsiya-v-rossii>. (accessed 16.02.2019).

² The corruption turnover has become equal to the budget revenues of Russia. Available at: <http://www.finmarket.ru/news/845812> (accessed 11.02.2019).

³ Makedonov L. The corruption market in Russia is half of GDP. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2010/08/17_a_3408249.shtml (accessed 09.02.2019).

tions, and 32 percent are violations associated with budgeting and budget execution.

Kudrin emphasized that 760 billion out of 1.865 trillion rubles are related to Roscosmos⁴.

Corruption is a multi-faced phenomenon; however, today it is more often found in illegal lobbying, conflicts of interests, breaching prohibitions and restrictions, using foreign financial tools, money laundering⁵.

Of all the corruption crimes, bribery poses the greatest threat to the national security. In the interview with the Kommersant newspaper, Yu. Chaika, the Prosecutor General of the Russian Federation, reported that in the first nine months of 2018, 139.5 thousand corruption offenses were revealed, including 25 thousand corruption crimes, more than 8.5 thousand people were convicted. The number of crimes related to corruption constitutes 1.7% of the total number of crimes committed in the Russian Federation, while the amount of the corruption crime damage is 11% of the damage caused by all types of crimes committed in the Russian Federation in that year⁶.

Of particular concern is the fact that officials who are supposed to fight corruption according to their professional duties, become corruptionists themselves. In 2016, the head of the “Т” department of the Anti-Corruption Central Board (Main Directorate for Economic Safety and Counteracting Corruption) of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Mr. Zakharchenko – was arrested for taking a bribe and abusing his official duties. During the search conducted in his car and his relatives' apartment, foreign currencies were seized in the amount equivalent to about 9 billion rubles.⁷ In 2017, the Minister of Economic Development of Russia Mr. Ulyukayev was convicted of receiving a bribe in the amount of \$ 2 million⁸.

⁴ The Accounts Chamber revealed violations in the amount of 1.8 trillion rubles. Available at: <https://ria.ru/20180620/1523062714.html> (accessed 16.02.2019).

⁵ The question of the day: what is the real corruption level in Russia? Available at: <https://newizv.ru/news/politics/04-07-2018/vopros-dnya-kakova-zhe-realnaya-korrupsiya-v-rossii>. (accessed 16.02.2019).

⁶ Prosecutor General Yury Chaika announced the amount of damage from corruption crimes in the Russian Federation for 2018. Available at: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1428518/> (accessed 16.02.2019).

⁷ The 9 Billion Colonel. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/10/10186901.shtml#> (accessed 10.02.2019).

⁸ The court sentenced Ulyukayev to 8 years of strict regime. Available at: <https://www.rbc.ru/society/15/12/2017/5a3292749a79478fb1606186> (accessed 15.02.2019).

В последние годы за совершение коррупционных преступлений осуждены ряд губернаторов субъектов Федерации (Машковец – губернатор Камчатской области, Баринов – губернатор Ненецкого национального округа, Коротков – губернатор Амурской области, Дудка – губернатор Тульской области, Тишанин – губернатор Иркутской области, Юрченко – губернатор Новосибирской области, Хорошавин – губернатор Сахалинской области, Денин – губернатор Брянской области, Гайзер, Торлопов – губернаторы Республики Коми, Белых – губернатор Кировской области, Соловьев – глава Удмуртии, Маркелов – глава Марий Эл, Гамидов – временно исполнявший обязанности председателя правительства Республики Дагестан).

Не менее впечатляющим является список некоторых других чиновников – коррупционеров высокого ранга (Адамов – министр атомной энергетики РФ, Сторчак – зам. министра финансов РФ, Бажанов – зам. министра сельского хозяйства РФ, Пирунов – зам. министра культуры РФ, Васильева – зам. министра обороны РФ, Федотов – полковник службы собственной безопасности МВД РФ, Вавилов – зам. министра финансов РФ, Гарьков – топ-менеджер Роснано, Реймер – начальник ФСИН РФ, Коршунов – зам. начальника ФСИН РФ, Максименко – начальник УСБ СК РФ, Кузнецов – зам. министра финансов Московской области).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в стране принимаются меры по противодействию коррупции. Но не может не тревожить то, что изменить ситуацию к лучшему не удастся. Количество регистрируемых коррупционных преступлений возрастает. Выступая 10 апреля 2019 г. перед членами Совета Федерации РФ, Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка сообщил, что уголовных дел за взятки в крупном и особо крупном размере в минувшем 2018 году возбудили на 20 процентов больше¹.

Характерно, что постоянно растет и средняя сумма взяток: в 2008 г. она составляла

9 тыс. руб., в 2012 г. – 300 тыс. руб., в 2018 г. – 600 тыс. руб.²

А в это время смертность в России, по данным Росстата, уже несколько лет превышает рождаемость³. Причем, по информации Роспотребнадзора, 63 % (сотни тысяч) россиян **умирают** от некачественных продуктов питания⁴. Эти данные поражают воображение, особенно в сравнении с нашими людскими потерями в Афганистане. За десять лет (1979–1989 гг.) погибло более 15 тысяч наших солдат. То есть российские производители фальсифицированных спиртных напитков и некачественных продуктов питания творят зло, по своим масштабам значительно превосходящее злодеяния афганских талибов.

Роспотребнадзор также сообщает, что доля поддельных продуктов (в том числе контрафакта и фальсификата) на российском рынке достигает 20 %. В ноябре 2014 г. на это обращали внимание 8 % опрошенных, а в январе 2017 года – уже 20 %⁵. По данным экспертов в России ежегодно от пищевых отравлений умирают 50 тыс. человек, а общее число пострадавших превышает 40 млн⁶.

Существенный вклад в динамику смертности в стране вносят юридические лица, задействованные в сфере медицинского обслуживания населения. Убедительным представляется следующее сообщение Торгово-промышленной палаты: в стране до 60 % медицинских препаратов являются подделкой⁷.

Весьма криминализованными являются в России сферы ЖКХ, жилищного строительства, охраны окружающей среды и др. В частности, по последним данным Минстроя в России бо-

² Генпрокуратура рассчитала средний размер взятки в России в 2018 году. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/12/2018/5c18cf2e9a79471a4d084c63> (дата обращения: 16.12.2018).

³ Демографическая политика: соотношение и статистика рождаемости и смертности по России. URL: <https://infographics.ru/all/rozhdzaamost-i-smertnost-v-rossii/> (дата обращения: 02.01.2019).

⁴ 63 процента россиян умирают от некачественных продуктов. URL: <https://vegetarian.ru/news/rosпотреbnadzor-63-rossiyan-umirayut-ot-nekachestvennykh-produktov.html> (дата обращения: 16.12.2018).

⁵ Там же.

⁶ От некачественных продуктов ежегодно страдают 40 миллионов россиян. URL: <https://versia.ru/ot-nekachestvennykh-produktov-ezhegodno-stradayut-40-millionov-rossiyan> (дата обращения: 18.11.2018).

⁷ URL: http://www.oodvrs.ru/news/analytics/60_protseptov_lekarstv_poddelka (дата обращения: 04.01.2019).

¹ Юрий Чайка выступил в Совете Федерации с ежегодным докладом об итогах работы Генпрокуратуры. URL: https://www.itv.ru/news/2018-04-18/344198-yuriy_chayka_vystupil_v_sovete_federatsii_s_ezhegodnym_doklad (дата обращения: 14.01.2019).

In recent years, a number of governors of the constituent entities of the Russian Federation were convicted of committing corruption crimes (Mashkovets – the Governor of the Kamchatka region, Barinov – the Governor of the Nenets Autonomous Territory, Korotkov – the Governor of the Amur region, Dudka – the Governor of the Tula region, Tishanin – the Governor of the Irkutsk region, Yurchenko – the Governor of the Novosibirsk region, Khoroshavin – the Governor of the Sakhalin region, Denin – the Governor of the Bryansk region, Gaizer – the Governor of the Komi Republic, Torlopov – the Governor of the Komi Republic, Belykh – the Governor of the Kirov region, Soloviev – the Head of Udmurtia, Markelov – the Head of Mari El, Gamidov – the Acting Chairman of the Government of the Republic of Dagestan).

Equally impressive is the list of some other officials, the high-ranking corruptionists (Adamov – the Minister of Nuclear Power Industry of the Russian Federation, Storchak – the Deputy Minister of Finance of the Russian Federation, Bazhanov – the Deputy Minister of Agriculture of the Russian Federation, Pirunov – the Deputy Minister of Culture of the Russian Federation, Vasilyev – the Deputy Minister of Defense of the Russian Federation, Fedotov – the Colonel of the Internal Security Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vavilov – the Deputy Minister of Finance of the Russian Federation, Garkov – a top manager of Rosnano, Reimer – the Head of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Korshunov – the Deputy Head of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Maksimenko – the Head of the Internal Security Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, Kuznetsov – the Deputy of the Ministry of Finance of the Moscow region).

The above facts prove that the country is taking measures to counteract corruption. However, the worrying fact is that the efforts to change the situation for the better are of no success. The number of recorded corruption crimes is increasing. April 10, 2019, Yu. Chaika, Prosecutor General of the Russian Federation, told members of the Federation Council of the Russian Federation in his speech that in the past 2018 the number of initiated criminal cases concerning grand and especially grand bribes increased by 20%¹.

It is indicative that the average amount of bribes is constantly growing: in 2008 it amounted

to 9 thousand rubles, in 2012 – 300 thousand rubles, and in 2018 – 600 thousand rubles²

Meanwhile, according to Rosstat (Federal Statistic Service), the death rate in Russia exceeds the birth rate, which has been so for several years now³. Moreover, according to Rospotrebnadzor (Federal Supervisory Natural Resources Management Service), 63% (hundreds of thousands) of the Russians **die** because of the low-quality food⁴. This data boggle the mind, especially compared to our human losses in Afghanistan. During ten years (1979–1989), 15,051 of our soldiers died there. That is, the Russian manufacturers of falsified alcohol beverages and low-quality food do evil whose scale is far exceeding the effect of the Afghan Taliban outrage.

Rospotrebnadzor also reports that the share of falsified food products (including counterfeit goods and fake products) in the Russian market reaches 20%. In November 2014, 8% of respondents paid attention to this, while in January 2017 this number increased to 20%⁵. According to experts, every year 50 thousand people die from food poisoning in Russia, and the total number of victims exceeds 40 million⁶.

Significant contribution to the mortality trend in the country is made by legal entities involved in medical services for the population. The following message from the Chamber of Commerce and Industry is rather convincing: up to 60% of medicines in the country are fake⁷.

Housing and public utility services, environment protection, and some other spheres are highly criminalized in Russia. In particular, according to the latest data from the Ministry of Construction, there are more than 2,000 potentially problematic houses in Russia. And as the deputies estimate,

² The Prosecutor General's Office calculated the average bribe amount in Russia in 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/society/18/12/2018/5c18cf2e9a79471a4d084c63> (accessed 16.02.2019).

³ Demographic policy: the correlation and statistics of the birth rate and death rate in Russia. [Available at: <https://infographics.ru/all/rozhdzaamost-i-smertnost-v-rossii/> (accessed 02.02.2019).

⁴ 63% of the Russians die from low-quality food products. Available at: <https://vegetarian.ru/news/rosпотреbnadzor-63-rossiyan-umirayut-ot-nekachestvennykh-produktov.html> (accessed 06.02.2019).

⁵ Ibid.

⁶ 40 million Russians suffer from low-quality food products every year. Available at: <https://versia.ru/ot-nekachestvennykh-produktov-ezhegodno-stradayut-40-millionov-rossiyan> (accessed 18.01.2019).

⁷ Available at: http://www.oodvrs.ru/news/analytics/60_protseptov_lekarstv_poddelka (accessed 15.01.2019).

лее 2 тысяч уже потенциально проблемных домов. По оценкам же депутатов в стране около 200 тыс. обманутых граждан¹.

Огромный ущерб экологии причиняет общественно опасная деятельность компаний, добывающих и транспортирующих полезные ископаемые. Сообщения жителей российского Севера, корреспондентов средств массовой информации, фото - и видеоматериалы с мест нефте-газозаботок поражают воображение: ржавеющие в тундре брошенные тягачи, автомашины, нефтевышки, неоглядные разливы нефти, которые убивают на огромных территориях все живое².

Ежегодно в России регистрируется 25 тысяч случаев протекания нефти из трубопроводов и транспорта, при этом выливается в окружающую среду примерно 1,5 млн кубометров нефти (10 млн т), что примерно вдвое больше того, что вылилось в море в результате катастрофы на Deepwater Horizon в 2010 г. в Мексиканском заливе. И это в год³.

И все это – результаты деятельности юридических лиц.

Приведенные факты позволяют сделать некоторые выводы: с объективной стороны противоправное поведение союзной личности может выражаться как в действии, так и в бездействии; преступное бездействие юридического лица по своим последствиям может представлять большую общественную опасность, чем действие физического лица; сложившаяся в стране правовая система не способна адекватно противодействовать аморальной деятельности корпораций; материальный ущерб от преступной деятельности юридических лиц значительно превосходит по своим масштабам ущерб от преступлений физических лиц; небывалые размеры коррупции, в том числе в высших эшелонах власти, объясняются не только просчетами в подборе кадров чиновничьего корпуса и недостаточным контролем за их профессиональ-

ной деятельностью, но также и тем, что преступные корпорации, в отличие от представителей малого и среднего бизнеса, располагают колоссальными финансами для подкупа должностных лиц в целях поддержания своего «бизнеса»; будучи единичным явлением в социалистическую эпоху, коррупция сегодня предстает в качестве процесса перераспределения сверхдоходов преступных корпораций.

Противоправная деятельность юридических лиц формирует соответствующую социальную психологию. Стремясь к получению сверхприбыли любой ценой, аморальный бизнес возбуждает тотальное недоверие простых тружеников к любой предпринимательской деятельности, считая ее мошеннической.

Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, говоря о нарастании у россиян усталости, безразличия, растерянности, недовольства властью, озлобленности, отмечает также, что в связи с неснижающейся криминализацией социально-экономической среды у граждан исчезает главный стимул к любой здоровой предпринимательской, инновационной, социальной активности⁴.

Общественно опасная деятельность аморальных корпораций продуцирует психологию вседозволенности и безнаказанности, трансформирует нравственные идеалы. Мошенники всех мастей, сановные казнокрады и коррупционеры действуют беззащитно, предприимчиво, не мелочась – сегодня в сравнении, например, с 2008 г. миллионные суммы взяток и хищений уже «не в моде», эталоном становятся миллиарды⁵.

Противоправность, будучи одним из признаков преступления, в теории и в судебной практике понимается как предусмотренность общественно опасного деяния в качестве преступления в уголовном законодательстве. Сложившаяся в стране ситуация требует формирования уголовного законодательства, позволяющего адекватно препятствовать современной преступности, в том числе общественно опасной деятельности корпораций, слиянию безнравственного бизнеса с коррумпированной властью. Продуктивность этой весьма ответст-

there are about 200 thousand of cheated citizens in the country.¹

Socially dangerous activities of the companies that mine and transport natural resources cause enormous damage to the environment. Messages from the residents of the Russian North and from the mass media reporters, photos and videos from oil and gas fields are astounding: abandoned tractors, motor vehicles, oil towers are rusting in tundra; boundless oil spills are killing all living creatures over vast territories².

Every year, 25,000 facts of oil leakage from pipelines and transport are recorded in Russia, and about 1.5 million cubic meters of oil (10 million tons) are released into the environment, this is about twice as large as the consequences of the Deepwater Horizon sea disaster in 2010 in the Gulf of Mexico. And this is just during one year³.

And all these are the results of activities performed by legal entities.

The above facts allow us to make some conclusions: on the objective side, the offending behavior of an allied entity can be manifested both in action and in failure to act; the consequences of a legal entity's criminal failure to act may be of a greater public danger than an individual's action; the legal system adopted in the country is not capable of adequate counteracting immoral activities of corporations; the material damage from criminal activities of legal entities significantly exceeds in its scale the damage from crimes committed by individuals; the unprecedented extent of corruption, including that in the top levels of the government, is explained not only by the failures in recruiting officials or insufficient control over their professional activities but also by the fact that criminal corporations, unlike small and medium businesses, have huge finances to bribe officials in order to maintain their business; the ninth conclusion is that, being a rare phe-

nomenon in the Socialism era, today corruption is seen as a process of redistributing extra profits of criminally behaving corporations.

Illegal activities of legal entities form the corresponding social psychology. In an effort to gain extra profits at any cost, immoral business excites in ordinary workers total distrust of any business as being fraudulent.

The Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, V. D. Zorkin, speaking of the growing fatigue, indifference, confusion, dissatisfaction, resentment among the Russians with regard to the government, also notes that, due to the constant criminalization of the socio-economic environment, the citizens lose the key motivation to any healthy business, innovative and social activity⁴.

Socially dangerous activities of immoral corporations generate a psychology of permissiveness and impunity, transform the moral ideals. Fraudsters of all hues, high-ranking embezzlers and corrupted officials act shamelessly, adventurously, thinking big. Thus, today bribes and embezzlements measured in millions are already 'out of fashion' compared to, for example, 2008, and billions become the benchmark⁵.

Unlawfulness, being one of the signs of a crime, in theory and judicial practice is understood as a socially dangerous action's being stipulated as a crime in the criminal legislation. The current situation in the country requires developing such criminal legislation that would make it possible to adequately hinder the modern crime, including socially dangerous activities of corporations, and stand against the merging of immoral business with the corrupted government. The efficiency of this highly critical and challenging activity can only be ensured on the

Минстрой
¹ подсчитал количество обманутых дольщиков в России. URL: https://realty.mail.ru/news/51240/minstroj_podschital_kolichestvo_obmanutyh_dolzhnikov_v_rossii/ (дата обращения: 03.01.2019).

² Крупнейшая в мире нефтяная катастрофа продолжается полным ходом: ржавые трубопроводы тонут в сибирской тундре. URL: <https://lenta.co/kрупnejshaya-v-mire-neftyanaya-katastrofa-prodolzhaetsya-polnym-hodom-rzhavye-trubopr> (дата обращения: 06.12.2018).

³ Там же.

⁴ Зорькин В. Указ соч.

⁵ Бывший заместитель главы Ростуризма заплатил по банковскому счету. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3275125> (дата обращения: 18.12.2018).

¹ The Ministry of Construction has calculated the number of cheated co-investors in Russia. Available at: https://realty.mail.ru/news/51240/minstroj_podschital_kolichestvo_obmanutyh_dolzhnikov_v_rossii/ (accessed 20.01.2019).

² The world's largest oil disaster continues at full speed: rusty pipelines are drowning in the Siberian tundra. Available at: <https://lenta.co/kрупnejshaya-v-mire-neftyanaya-katastrofa-prodolzhaetsya-polnym-hodom-rzhavye-trubopr> (accessed 06.02.2019).

³ Ibid.

⁴ Zorkin V. *Op. cit.*

⁵ The former deputy head of the Federal Tourism Agency paid a bank account. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3275125> (accessed 18.02.2019).

венной и непростой деятельности может быть обеспечена только на базе законодательства, отвечающего требованиям времени, способного эффективно противодействовать криминализации общества, при условии его реализации в рамках определенной законом процедуры. В частности, криминализация возможна при наличии соответствующих оснований: деяние должно обладать большой общественной опасностью; деяния такого вида являются достаточно распространенными, а гражданско-правовые и административно-правовые меры реагирования оказались недостаточными; криминализация определенного деяния не будет иметь своим последствием свержение криминализацию и не повлечет за собой другие вредные социальные последствия. При этом должны быть приняты во внимание международные договоры, подписанные Россией [8, с. 293].

Международные конгрессы допускают возможность установления в национальных законодательствах уголовной ответственности не только за международные, экологические преступления, за террористическую деятельность, коррупцию, транснациональную и организованную преступность, но и за другие преступления. Россия ратифицировала все названные международные акты.

О модели корпоративной уголовной ответственности

При разработке модели уголовной ответственности юридических лиц в государстве следует принимать во внимание следующие обстоятельства: национальные законодательские традиции, внутригосударственные экономические и социально-политические реалии, содержание и тенденции российской уголовной политики, специфику геополитического положения государства, содержание его международного сотрудничества, соотношение политических сил в стране, специфику отношения политического руководства страны к рекомендациям международных организаций, степень патристичности политического руководства страны и т.д. Ранее автор данной статьи подробнее об этом сообщал в одной из своих работ [2].

В практике зарубежного нормотворчества используются разные модели законодательного оформления института уголовной ответственности коллективных субъектов. При этом прак-

тически во всех странах предусматривается ответственность юридических лиц за преступления, перечень которых рекомендован международными договорами [14, с. 21].

В отдельных странах понятие преступления, за которое установлена уголовная ответственность, трактуется весьма широко: под ним понимается не только собственно преступление, но также нарушения и проступки. Перечень таких преступлений в разных странах разный. В одних странах уголовная ответственность корпораций устанавливается за все преступления, предусмотренные уголовным законодательством страны, без каких-либо ограничений. В других странах установлены такие ограничения – невозможна уголовная ответственность юридических лиц за преступления, которые может совершить только физическое лицо (например, изнасилование).

В уголовном законодательстве институт уголовной ответственности юридических лиц может оформляться по-разному. Разработчики проекта УК РФ 1996 г. считали возможным формирование в Кодексе специального раздела, посвященного регламентации такой ответственности. Следственный комитет РФ, наоборот, предлагает оформлять институт уголовной ответственности корпораций посредством указания в статьях особенной части Кодекса о возможности такой ответственности. Последний вариант представляется наиболее оптимальным. Не случайно он чаще всего используется в законодательствах зарубежных стран (Франция, Испания, Молдова, Китай, Финляндия и др.).

Во Франции уголовная ответственность юридического лица за определенное преступление возможна только в случае привлечения к уголовной ответственности за это же преступление физического лица. Во многих странах, напротив, уголовная ответственность юридических лиц, наряду с уголовной ответственностью физического лица, возможна, но не обязательна (например, в Китае).

Наиболее удачной представляется схема, предложенная авторами проекта закона, разработанного в Следственном комитете РФ и представленная в Госдуму РФ в 2015 г. Его разработчики предложили ввести уголовную ответственность корпораций за все преступления, предусмотренные УК РФ, за исключением: преступлений против половой неприкосновен-

basis of the legislation that meets the demands of the time and is able to effectively counteract criminalization of legislation, on the condition that this legislation is enforced within the statutory procedure. In particular, criminalization is possible against the corresponding background: the action must be of a great public danger; the actions of this type must be quite widespread, while the civil and administrative responses are supposed to be insufficient; criminalization of a certain action will not result in hypercriminalization and will not entail other harmful social consequences. In this case, international treaties signed by Russia should be taken into account [8, p. 293].

International congresses admit a possibility to establish criminal liability in national legislations with regard to international and environmental crimes, terrorist activities, corruption, transnational and organized crime etc. Russia ratified all the mentioned international acts.

On the Model of Corporate Criminal Liability

When developing a model of criminal liability for legal entities in a state, the following circumstances should be taken into account: national legislative traditions, domestic economic and socio-political realities, the content and trends of the domestic criminal policy, the specifics of the state's geopolitical location, the content of its international cooperation, the balance of political forces in the country, the attitude of the country's political leaders to recommendations of international organizations, the level of patriotism of the country's political leaders etc. The author of this article discussed these circumstances in more detail in one of his earlier papers [2].

In international law-making practice, different models of legislative design of the criminal liability institution for collective entities are used. At the same time, almost all countries stipulate responsibility of legal entities for the crimes in-

cluded in the list recommended by international treaties [14, p. 21].

In some countries, the concept of offense implying criminal liability is understood very broadly: it covers both crime itself and violations/offenses. The list of such crimes differs from country to country. In some countries, corporate criminal liability is established for all crimes under the criminal law of the country, without any restrictions. In other countries such restrictions are actually established – corporate criminal liability is impossible for crimes that can be committed only by a natural person (for example, rape).

In criminal law, the institution of corporate criminal liability can be officially documented in different ways. The developers of the draft 1996 Criminal Code of the Russian Federation considered it possible to include a special section into the code that would be devoted to the regulation of such liability. The Investigative Committee of the Russian Federation, on the contrary, proposes to formalize the institute of corporate criminal liability by specifying the probability of such liability in the articles of the special part of the code. The second alternative seems to be the most optimal. It is not by chance that it is most often used in the laws of foreign countries (France, Spain, Moldova, China, Finland, etc.).

In France, corporate criminal liability for a certain crime is only possible if criminal liability for the same crime is applicable to a physical person. In many countries, on the contrary, corporate criminal liability, together with criminal liability of an individual, is possible but not obligatory (e.g., in China).

The scheme proposed by the authors of the draft bill developed by the Investigative Committee of the Russian Federation and submitted to the State Duma in 2015 seems to be the most advantageous. Its developers proposed to introduce corporate criminal liability for all crimes under the Criminal Code of the Russian Federation with the exception of: crimes against sexual inviolability and sexual freedom;

ности и половой свободы; против семьи и несовершеннолетних; против конституционных прав и свобод человека и гражданина; против собственности; экологических преступлений.

С этим предложением в целом можно согласиться. Возражение вызывает лишь то, что авторы проекта по неизвестной причине не предлагают установить уголовную ответственность корпораций за экологические преступления. Выше приводились факты об огромном ущербе, причиняемом экологии некоторыми предприятиями, добывающими и транспортирующими полезные ископаемые.

Можно приводить и другие подобные факты. Здесь сообщается лишь об одном наиболее впечатляющем. В России действуют более 1 000 полигонов для производственных и бытовых отходов, 15 000 санкционированных и 17 000 несанкционированных свалок, а также 13 000 несанкционированных мест размещения мусора. Если учесть, что в России ежегодно производится 90 млрд т отходов, которые скапливаются на территории в 4 млн га, можно представить, какой огромный ущерб экологии причиняют недобросовестные юридические лица, аккумулирующие производственные отходы на несанкционированных свалках¹.

Не случайно международные конгрессы предлагают странам-подписантам устанавливать уголовную ответственность для корпораций в том числе и за экологические преступления.

Весьма разнообразны в законодательствах стран мира условия, при наличии которых возможна уголовная ответственность юридических лиц. Типичным является следующий набор таких условий: 1) преступление совершено физическим лицом, занимающим в юридическом лице руководящую должность, в процессе выполнения представительских функций от имени юридического лица, или осуществления права на принятие решения от имени юридического лица либо осуществления контрольных функций в рамках юридического лица, деяние совершено в интересах юридического лица; 2) возможность совершения преступления в интересах юридического лица появилась у физического лица, осуществ-

ляющего полномочия от имени юридического лица, в связи с отсутствием надлежащего контроля за его деятельностью со стороны вышестоящего должностного лица. Такой набор условий для возбуждения уголовного преследования преступной корпорации представляется оптимальным и вполне приемлемым для российского законодательства.

Как отмечалось выше, при обсуждении проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в России наиболее проблематичным является вопрос о понятии вины юридического лица и в связи с этим бытующее опасение о невозможности сопряжения такой ответственности с принципами индивидуальной и виновной ответственности. Нет единодушия по этому вопросу и за рубежом. Несмотря на многообразие подходов к его решению, господствуют следующие концепции вины юридических лиц.

В странах, законодательство которых относится к романо-германской правовой семье, утвердилась оригинальная теория рикошета или теория отражения, в соответствии с которой корпорация может быть привлечена к уголовной ответственности только в случае, когда в совершении этого же преступления виновно физическое лицо. То есть психическое состояние виновных должностных лиц отождествляется с деянием и психическим состоянием этого юридического лица. Очевидно, что вина физического лица становится виной юридического лица. Аналогичную теорию вины юридических лиц предлагают внедрить в уголовное законодательство России авторы названного выше законопроекта Следственного комитета РФ.

В теории отражения очевидным представляется следующее противоречие. С одной стороны, здесь здраво утверждается, что коллективный субъект не может обладать сознанием и психикой. С другой стороны, юридическому лицу приписывается возможность иметь и сознание, и психику в случае, когда в преступлении проявились определенные сознание и психика физического лица. Но в таком случае последовательным было бы утверждение о наличии сознания, психики у юридического лица и в случаях совершения должностными лицами и неправомерных поступков, что, однако, эта теория категорически не приемлет.

against family and minors; against constitutional rights and freedoms of the human and citizen; against property; and environmental crimes.

On the whole, we could agree with this proposal. The only objection is that, for some unknown reason, the authors of the bill do not suggest establishing criminal liability of corporations for environmental crimes. The facts of the enormous damage caused to the environment by some companies engaged in mining and transporting minerals were given above.

Some other similar facts could be mentioned. Here we will only report the most impressive one. Russia has more than 1,000 landfills for industrial and household waste, 15,000 authorized and 17,000 unauthorized waste deposits, and 13,000 unauthorized waste disposal sites. In view of the fact that 90 billion tons of waste are annually produced in Russia and accumulated on the territory of 4 million hectares, one can imagine how big is the environmental damage caused by unscrupulous legal entities accumulating industrial waste in unauthorized deposits¹.

It is not by chance that international congresses propose the signatory countries to establish corporate criminal liability, including that for environmental crimes.

The conditions for a probable criminal liability of legal entities are very diverse in the legislations of different countries. A typical set of conditions includes the following ones: 1) the crime was committed by an individual who holds a managerial position in the legal entity, when performing representative functions on behalf of the legal entity, or exercising the right to decide on behalf of the legal entity, or executing control functions within the legal entity; the action was committed in favor of the legal entity; 2) the individual exercising authority on behalf of the legal entity received an opportunity to commit a crime in favor of the legal entity due to the lack of

proper control over his activities by a higher-level official. Such a set of conditions for initiation of criminal prosecution of a criminal corporation seems to be optimal and quite acceptable for the Russian legislation.

As noted above, when discussing criminal liability for legal entities in Russia, the most problematic issue is the concept of **guilt** of a legal entity and, therefore, there is a concern that this liability cannot be combined with the principles of individual and fault-based liability. There is also no shared understanding on this issue abroad. Despite the diversity of approaches to its solution, the following concepts of a legal entity's guilt prevail.

In the countries where legislation pertains to the Roman-Germanic legal family, the original 'bounce theory', or the 'theory of reflection', has been established, according to which a corporation can be held criminally liable only if an individual is guilty of committing this crime. That is, the mental state of the guilty officials is identified with the action and mental state of the legal entity. It is obvious that the fault of an individual becomes the fault of a legal entity. A similar theory of a legal entity's guilt is proposed for introduction into the criminal legislation of Russia by the authors of the above-mentioned draft bill of the Investigative Committee of the Russian Federation.

In the theory of reflection, the following contradiction seems to be obvious. On the one hand, it is sensibly stated there that a collective subject cannot have consciousness and psyche. On the other hand, a legal entity is credited with a capability of having both consciousness and psyche in the case when certain consciousness and psyche typical of a physical person were manifested in the crime. But in this case, it would be consistent to assert that the legal entity has consciousness and psyche even in the cases when officials perform actions which are not criminal actions, which is, however, categorically unacceptable in this theory.

¹ Страна отходов. URL: expert.ru/2014/02/11/strana-othodov (дата обращения: 14.12.2018).

¹ The Country of Wastes. Available at: expert.ru/2014/02/11/strana-othodov (accessed 14.02.2019).

Анализ зарубежного уголовного законодательства об ответственности юридических лиц – занятие не праздное. Это необходимо для выявления того, что может быть воспринято отечественным законодательством. В этом отношении интерес представляют соответствующие положения законодательства Великобритании.

В этой стране, как и в других странах, законодательство которых относится к англосаксонской правовой семье, утвердился институт абсолютной или строгой ответственности юридических лиц. По мнению А. В. Федорова, «фактически этот институт фиксирует необязательность установления вины юридического лица как таковой». То есть якобы здесь речь идет об ответственности юридического лица без вины [14, с. 21].

Данный вывод представляется неубедительным. Есть основание полагать, что в рамках теории абсолютной ответственности, во-первых, признается не то, что юридическое лицо действует невиновно, а лишь то, что в случае совершения общественно опасного деяния, в силу сложившихся обстоятельств, установление какой-либо его вины не обязательно. Во-вторых, вина юридического лица вовсе не отрицается, но видится не в традиционном ее понимании в рамках психологической концепции в форме умысла или неосторожности, а в чем-то другом.

В самом деле, нелепо было бы утверждать, что, например, коллектив, насчитывающий десятки тысяч сотрудников, имеет сознание и психику и действует умышленно или неосторожно. Психика, сознание продуцируются исключительно мозгом физического лица – человека. Такого органа нет и не может быть у человеческого коллектива.

К определению вины юридического лица следует подходить, имея в виду сущность корпорации как коллективного субъекта, созданного и зарегистрированного государством для достижения общественно полезных целей.

Вина юридического лица заключается в том, что оно позволило физическому лицу, имеющему по роду деятельности в этой корпорации доступ к рычагам управления ее финансовой, технической и организационной составляющими, использовать эту мощь для осуществления общественно опасной деятельности, которая по характеру и грандиозным масшта-

бам наступивших или возможных последствий достигает уровня **социального зла**. И именно поэтому общественно опасные **деяния физических лиц корпорации становятся ее деяниями, которые мы вправе считать виной коллективного субъекта и основанием его уголовной ответственности**.

Такой вывод имеет право на существование, тем более, что в мировой истории он уже апробирован Нюрнбергским трибуналом, заседавшим в 1945–1946 гг. Трибунал признал виновными в тяжчайших преступлениях против мира и человечности не только физические лица – руководителей фашистской Германии и Вермахта (19 человек), но и три **преступные организации** – СС, гестапо и СД.

В заключении Трибунала в качестве вины этих организаций называется не их психическое отношение к их страшным деяниям, а сами эти деяния. В частности, в заключении Трибунала о признании СС виновной организацией преступными названы следующие ее действия: эксцессы, имевшие место при управлении оккупированными территориями; преследование и истребление евреев; зверства и массовые убийства в концентрационных лагерях; проведение в жизнь программы использования рабского труда; жестокое обращение с военнопленными и их убийства.

В связи со сказанным обращает на себя внимание следующее положение, закрепленное в статье 30 УК Китая: «Компании, предприятия, организации, коллективы, осуществляющие опасную для общества деятельность, исходя из положений, установленных настоящим Кодексом для преступлений, совершаемых организациями или учреждениями, должны нести уголовную ответственность». Нет сомнения в том, что УК Китая признает основанием такой ответственности **опасную для общества деятельность корпорации**.

На этом фоне диссонансом звучит вывод китайского ученого Пан Дунмэй о том, что умысел при совершении корпоративного преступления отличается от такового в преступлении физического лица тем, что в корпоративном преступлении воля является волей организации в целом [7].

Аналогичное положение закреплено и в пункте «а» статьи 2.07 Примерного УК США: «Суд может издать приказ о лишении устава

The analysis of international criminal legislation on corporate liability is not an idle thing. It is needed for identifying the aspects which can be borrowed by the domestic legislation. In this respect, the relevant provisions of the Great Britain legislation are of interest.

In this country, as well as in the others where the legislation refers to the Anglo-Saxon legal family, the institution of absolute or strict liability of legal entities has been established. According to A.V. Fedorov, ‘in fact, this institution fixes the non-obligatoriness of recognizing the guilt of a legal entity’. Thus, the above allegedly means liability of a legal entity with no guilt [14, p. 21].

This conclusion appears to be unconvincing. There are reasons to believe that within the theory of absolute liability, first of all, it is not the legal entity’s innocence that is recognized, but only the fact that in case of a socially dangerous action under the given circumstances it is not necessary to identify any guilt of the entity. Secondly, the guilt of a legal entity is not denied at all; however, it is seen not in its traditional sense in terms of the psychological concept in the form of ‘intent’ or ‘negligence’, but in something else.

In fact, it would be absurd to argue that, for example, staff of dozens of thousands of employees has consciousness and psyche and acts intentionally or carelessly. The psyche and consciousness are produced exclusively in the brain of an individual, of a human. This body organ is not and cannot be a part of a human collective.

The approach to defining the guilt of a legal entity should consider the essence of corporation as a collective entity created and registered by the state for the purpose of achieving socially useful goals.

The guilt of a legal entity consists in allowing an individual who, by the nature of activity in this corporation, has access to the control levers of its financial, technical and organizational components, to use this power to perform socially dangerous activities that reach the level of **social evil** in terms of the nature and dramatic scale of the actual or probable consequences. That is exactly why socially dangerous **actions of individuals in a corporation become the corporation’s actions, which we may consider to be the**

guilt of a collective entity and the grounds of its criminal liability.

Such a conclusion has the right to exist, especially since in global history it has already been applied by the Nuremberg Tribunal in 1945–46. For the gravest crimes against peace and humanity, the tribunal found guilty both individuals – the leaders of fascist Germany and the Wehrmacht (19 people) – and three **criminal organizations** – the SS, the Gestapo and the SD.

The sentence of the Tribunal runs that the guilt of these organizations is not in their mental attitude to their terrible actions but the actions themselves. In particular, in the Tribunal decision on recognizing the SS a guilty organization, the following actions were called criminal: the incidents that took place in controlling the occupied territories, the persecution and extermination of the Jews, atrocities and massacres in concentration camps, implementation of slave labor programs, cruel treatment of prisoners of war and their murders.

In connection with the above said, the following provision enshrined in Art. 30 of the Criminal Code of China comes into notice: ‘Companies, enterprises, organizations, staff members engaged in the activities dangerous to society should be held criminally liable, on the basis of the provisions established by this Code for crimes committed by organizations or institutions.’ There is no doubt that the Criminal Code of China recognizes that the activities of the corporation which are **dangerous for society** serve as the grounds for such liability.

Against this background, a dissonance can be detected in the conclusion made by the Chinese scientist Pan Dongmei, who stated that the intention in committing a corporate crime differs from that in an individual’s crime by the fact that in a corporate crime the will is the will of organization as a whole [7].

A similar provision is enshrined in paragraph ‘a’ of Art. 2.07 of the Model US Criminal Code: ‘The court may impose an order depriving

или об отмене сертификата по установлении того, 1) что совет директоров или действующий в интересах корпорации агент – управляющий высокого ранга при ведении дел корпорации с целью осуществлял постоянную линию преступного поведения и 2) что для предупреждения в будущем преступного поведения такого же характера **публичный интерес** требует лишения корпорации устава и роспуска корпорации, либо отмены сертификата». Очевидно, что основанием уголовной ответственности корпорации Кодекс признает ее общественно опасную деятельность.

В контексте обсуждаемой проблемы следует обратить внимание на то, что аналогичного понимания вины юридического лица придерживается российский законодатель, формируя модель административной ответственности юридического лица. Так, часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ гласит: «Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». То есть вина корпорации заключается в том, что она не контролировала или недостаточно качественно контролировала служебную деятельность своего сотрудника – физического лица, что позволило последнему использовать корпорацию для совершения общественно опасного деяния.

Между тем высший судебный орган РФ категорически не приемлет такую концепцию вины юридического лица, совершившего преступление. Так, в официальном отзыве Верховного Суда на законопроект о введении уголовной ответственности юридических лиц, представленного в 2015 г. Следственным комитетом РФ в Госдуму, одно из возражений касается предложения об установлении вины юридического лица опосредованно через вину физического лица.

Возражение аргументируется следующим образом: поскольку участниками юридического лица могут быть лица, не совершавшие преступления, подобный подход не только нарушает принцип справедливости, но и не содействует

реализации целей уголовного наказания – восстановлению социальной справедливости и исправлению осужденного¹.

В связи с такой позицией Верховного Суда РФ возникает следующий вопрос: как быть, если при решении вопроса об административной ответственности юридического лица за правонарушение выяснится, что в его совершении не участвовал кто-то из участников или многие участники юридического лица? Если следовать логике Верховного Суда, придется отказаться не только от уголовной, но и от административной ответственности юридических лиц.

Круг **субъектов** уголовной ответственности юридических лиц в законодательствах разных стран определяется по-разному. В одних субъектом такой ответственности может быть только юридическое лицо, в других – любой корпоративный субъект, в том числе не имеющий статуса юридического лица.

В некоторых странах к уголовной ответственности могут привлекаться любые юридические лица, за исключением органов публичной власти. В большинстве стран исключение устанавливается для высших органов законодательной, исполнительной, судебной власти и органов местного самоуправления, что представляется достаточно обоснованным.

Авторы проекта закона Следственного комитета РФ, внесенного в Госдуму РФ в 2015 г., предложили следующий перечень субъектов корпоративной уголовной ответственности: юридические лица, образованные на территории РФ, иностранные юридические лица, международные организации и обособленные подразделения, через которые на территории РФ осуществляется деятельность иностранного юридического лица или международной организации².

¹ Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A0B3562A8707F59843257E450051EAE5/\\$File](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A0B3562A8707F59843257E450051EAE5/$File) (дата обращения: 10.12.2018).

² Проект Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 23.03.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129896#05920650211962125> (дата обращения: 17.12.2018) (далее – проект ФЗ № 750443-6).

a company of its charter or revoking the certificate if the following has been revealed 1) the board of directors or an agent acting on behalf of the corporation (an executive) **intentionally** adheres to a **constant line** of **criminal behavior** in the course of business, and 2) in order to prevent future criminal behavior of the same nature, the **public interest** requires depriving the corporation of the charter and dissolving the corporation, or revoking the certificate.' Obviously, the code recognizes socially dangerous activity of the corporation as the grounds for corporation criminal liability.

In the context of the problem under discussion, one should pay attention to the fact that the Russian legislator adheres to a similar understanding of guilt of a legal entity in developing the model of administrative liability of legal entity.

For example, part 2 of Art. 2.1 of the Code on Administrative Offenses of the Russian Federation states that 'a legal entity is found guilty of committing an administrative offense if it is ascertained that it had the opportunity to comply with the rules and regulations for violation of which this Code or laws of the constituent entity of the Russian Federation imposes administrative liability, but did not take all measures in its reasonable control to meet these rules and regulations'. That is, the corporation guilt consists in the fact that it did not control or did not sufficiently control the official activities of its employee (a natural person) and allowed the latter to use the corporation to commit a crime.

Meanwhile, the senior judicial body of the Russian Federation aggressively rejects such a concept of guilt of a legal entity that committed a crime. For example, the official feedback of the Supreme Court to the draft bill on the institution of corporate criminal liability submitted in 2015 by the Investigative Committee of the Russian Federation to the State Duma, contains an objection against establishing the guilt of a legal entity indirectly through the fault of an individual.

For this objection the following reasoning is given: since the participants of a legal entity may be persons who have not committed the crime,

such an approach both violates the principle of justice and does not contribute to implementing the goals of criminal punishment (penalty), i.e. restoration of social justice and correction of the convict¹.

In connection with this position of the Supreme Court of the Russian Federation, the following question arises: when deciding on the administrative liability of a legal entity for an offense, what is to be done if it appears that one of the participants or many participants of the legal entity were not involved in the crime? Using the logic of the Supreme Court, both criminal and administrative liability of legal entities have to be abandoned.

The range of **subjects** of corporate criminal liability is determined differently in the laws of different countries. In some countries only a legal entity can be the subject of such liability, while in others any corporate entity, including the one that does not have the status of a legal entity, can be such a subject.

In some countries, any legal entities can be held criminally liable except for the public authorities. In most countries, this exception is set for the senior legislative, executive, judicial authorities and local governments, and it seems to be quite reasonable.

The authors of the draft bill of the Investigative Committee of the Russian Federation submitted to the State Duma in 2015 proposed the following list of subjects of corporate criminal liability: legal entities established in the Russian Federation, foreign legal entities, international organizations and separate subdivisions through which a foreign legal entity or international organization acts in the Russian Federation².

¹ Official feedback of the Supreme Court of the Russian Federation to the federal draft law 'On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Introduction of the Institute of Criminal Liability of Legal Entities'. Available at: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A0B3562A8707F59843257E450051EAE5/\\$File](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A0B3562A8707F59843257E450051EAE5/$File) (accessed 10.02.2019).

² Draft Federal Law No. 750443-6 'On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Introduction of the Institute of Criminal Liability for Legal Entities' (ed., amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 23.03.2015). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129896#05920650211962125> (accessed 17.04.2019).

Разработчики законопроекта считают целесообразным устанавливать уголовную ответственность для органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и предприятий. Принимая во внимание, что государство, будучи аппаратом принуждения, не должно быть таковым в отношении самого себя и, учитывая мировую практику, следует поддержать предложение исключить из числа возможных субъектов уголовной ответственности органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления.

Между тем представляется необоснованным невключение в такой список государственных предприятий, имея в виду их специфический правовой статус. Известно, что эти предприятия создаются государством и функционируют под его контролем. Однако в структуру государства как элемент аппарата принуждения они не включаются, но, будучи юридическими лицами, обладают относительной самостоятельностью в финансово-экономической деятельности, в своих взаимоотношениях с другими хозяйствующими субъектами и являются, наряду с другими юридическими лицами, субъектами гражданско-правовой и административно-правовой ответственности.

Учитывая нынешнюю чрезвычайно сложную международную обстановку, было бы разумно сделать исключение не для всех, а для некоторых государственных предприятий, например, временно не устанавливать уголовную ответственность для предприятий оборонного, аэрокосмического комплексов.

Безусловно, к решению этого вопроса надо подходить взвешенно, имея в виду, что сегодня в России, по заключению ФАС, сложился государственно-монополистический капитализм, государство стремительно наращивает свое присутствие в экономике. Вклад его и госкомпаний в ВВП вырос с 35 % в 2005 г. до 70 % в 2015 г.¹ В этих условиях несерьезно ставить вопрос об уголовной ответственности госкор-

пораций, определяющих темпы экономического развития страны.

Вместе с тем ситуация может кардинально измениться, если государство сумеет предложить стимулы для быстрого развития малого и среднего бизнеса до среднемирового уровня – 50–60 % вклада в годовой ВВП страны, что позволит сформироваться многочисленному классу людей со средним достатком. Это задача исключительной важности не только с точки зрения решения амбициозных задач по созданию эффективной экономики, но и в плане сужения социальной базы коррупции. Дело в том, что коррупция разорительна для малого и среднего бизнеса и власть во всех странах имеет в лице его представителей активного союзника в борьбе с этим явлением.

По вопросу о **наказании** юридических лиц в рамках института их уголовной ответственности в мировой практике используются следующие схемы. Первая: за некоторые преступления юридическим лицам могут назначаться такие же уголовные наказания, как и физическим. Вторая: для юридических лиц предусматриваются специальные наказания.

Последний вариант представляется более предпочтительным, ввиду следующих соображений. Во-первых, некоторые виды наказаний к юридическим лицам в принципе неприменимы, например, срочное и пожизненное лишение свободы, ограничение свободы, исправительные работы и др. Во-вторых, известно, что каждый вид наказания имеет свойственные только ему «разрешающие способности», специфические механизмы воздействия на субъект, к которому они применяются. В-третьих, одно и то же наказание, которое может быть применено и к физическому, и к юридическому лицу, не должно быть одинаковым по своему масштабу в применении к этим разным субъектам – штраф в несколько тысяч рублей окажется уместным при наказании физического лица и нелепым в отношении юридического лица, бюджет которого исчисляется миллиардами рублей.

Самым распространенным видом наказания является штраф. В некоторых странах он фигурирует как единственно возможное наказание для юридических лиц (Китай, Новая Зеландия, Исландия и др.). В других странах он может назначаться в качестве как основного, так и дополнительного наказания.

The developers of the draft bill consider it inexpedient to establish criminal liability for the state authorities of the Russian Federation, the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, local governments, state and local institutions and enterprises. Considering the fact that the state, being a mechanism of coercion, should not act as a mechanism of coercion against itself and taking into account the world practices, it is necessary to support the proposal to exclude the state authorities of the Russian Federation, the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments from among the potential subjects of criminal liability.

At the same time, it does not seem reasonable to exclude state-owned enterprises from that list, in light of their specific legal status. It is known that these enterprises are created by the state and function under its control. However, they are not included as enforcement mechanisms into the state structure; as legal entities, they possess a relative independence in their financial and economic activities, in their relations with other economic entities, and constitute subjects of civil and administrative legal liability, as is the case with other legal entities.

Given the current extremely complicated international situation, it would be reasonable to make an exception, although not for all but for some of the state-owned enterprises: for example, to allow for a temporary absence of criminal liability for enterprises of the defense and aerospace industries.

Surely, this issue should be approached carefully, keeping in mind that, according to the FAS (Federal Anti-Monopoly Service) report, today in Russia there is developed state monopoly capitalism; the country is rapidly stepping up its presence in the economy. Its contribution and the contribution of the state-owned companies in GDP increased from 35% in 2005 to 70% in 2015¹. In this context, it would be unwise to raise a ques-

tion about criminal liability of state-owned corporations, which determine the economic growth rate of the country.

At the same time, the situation can drastically change if the state is able to create motivation for rapid development of small and medium businesses to the worldwide average of 50–60% contribution to the country's annual GDP, which would allow to form a large class of people with moderate income. This is a task of an exceptional priority both in terms of solving ambitious task to build an efficient economy and also in terms of narrowing the social base of corruption. The fact is that corruption is ruinous for small and medium businesses, and in all the countries of the world governments rely on small and medium businesses as on their active allies in fighting corruption.

The following schemes are used worldwide with regard to **punishment (penalty)** for legal entities within the institution of their criminal liability. According to the first scheme, for some crimes, legal entities can get the same criminal penalties as physical persons. The second scheme suggests specific penalties for legal entities.

The second alternative seems to be more preferable in view of the following considerations. Firstly, certain types of punishments are by no means applicable to legal entities, for example, fixed-term and life imprisonment, restraint, corrective labor, etc. Secondly, it is known that each type of punishment has its own peculiar 'resolution capabilities', i.e. specific mechanisms of influencing the subject to which they are applied. Thirdly, the same punishment that can be applied both to a natural person and a legal entity should not be equal in their size when applied to these two different subjects: a fine of several thousand rubles would be appropriate for punishing a natural person but would be absurd in relation to a legal entity whose budget is estimated in billion rubles.

The most common type of punishment is a fine. In some countries, it is the only possible punishment for legal entities (China, New Zealand, Iceland, etc.). In other countries, it can be imposed either as primary or additional punishment.

¹ Государство и госкомпании контролируют 70 % российской экономики. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekono> (дата обращения: 14.12.2018).

¹ The state and state-owned companies control 70% of the Russian economy. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekono> (accessed 14.02.2019).

В законодательствах многих стран размер этого наказания не ограничен (США, Китай, Великобритания, Индия и др.), однако, например, в США установлен предел, ниже которого он не может назначаться, – сумма штрафа должна быть больше полученной или предполагаемой правонарушителем выгоды.

В других странах, наоборот, устанавливается верхний предел штрафа, который обычно исчисляется в размере, кратном полученной или предполагаемой выгоде.

В большинстве стран в качестве обязательного наказания для корпораций предусматривается конфискация имущества. Причем в одних странах – конфискация предметов, предназначенных для совершения преступления; в других – конфискация незаконно полученных доходов; в третьих – конфискация активов. Известен опыт применения конфискации имущества у мафии в Италии, США. В этих странах конфискация имущества успешно применяется с целью подорвать финансовые основы деятельности мафиозных структур.

Кроме названных устанавливаются и другие виды наказаний для корпораций: опубликование обвинительного приговора; установление судебного контроля над деятельностью корпорации; запрет заниматься определенным видом деятельности; приостановление деятельности на определенный срок; запрет на получение субсидий.

Разумной представляется система уголовных наказаний для юридических лиц, предложенная авторами упоминавшегося выше законопроекта, разработанного в СК РФ: предупреждение; штраф; лишение лицензии, квоты, преференции, льгот; лишение права заниматься определенным видом деятельности; запрет на осуществление деятельности на территории РФ; принудительная ликвидация. Очевидно, что авторы законопроекта учли российский менталитет, культуру отечественного правосознания, мировой опыт.

Штраф предлагается назначать в виде единовременной выплаты в размере от двухсот тысяч до тридцати миллионов рублей либо в размере, кратном полученному юридическим лицом преступному доходу, причиненному преступлением имущественному ущербу или стоимости приобретенного преступным путем имущества. Размер кратного штрафа, по мне-

нию разработчиков проекта закона, не должен превышать пятьсот процентов стоимости полученного юридическим лицом преступного дохода, причиненного преступлением имущественного ущерба или стоимости приобретенного преступным путем имущества¹.

В качестве недостатка следует отметить отсутствие в этой системе конфискации имущества как вида уголовного наказания. Нерегулярно применяемая ныне в России конфискация в качестве иной меры уголовно-правового характера не отвечает требованиям противодействия коррупции хотя бы потому, что, по информации Генерального прокурора РФ Ю. Чайки, из 46 млрд руб. ущерба от коррупционных преступлений в 2018 г. возмещено примерно 30 млрд.²

Если невозмещенные 16 млрд руб. разделить на 8,5 тысяч осужденных коррупционеров, то на каждого придется примерно 1 млн 900 тыс. руб. Это можно расценить как своеобразный приз за неудачный финал в коррупционной биографии этих чиновников или как своеобразный «золотой парашют».

Примером может служить Китай, где в последнее время в борьбе с коррупцией ведущая роль отводится не расстрелам, а конфискации имущества, которая играет важную общепреventивную роль, убеждая коррупционеров в бессмысленности хищений и взяток, – конфискация неизбежна, поэтому ни детям, ни внукам похищенное не достанется.

Целесообразно также предусмотреть в качестве наказания публикацию приговора.

Заключение

Критический анализ законодательства зарубежных стран о корпоративной уголовной ответственности, практики его применения и рекомендаций теоретиков права приводит автора к следующим выводам:

– опыт многих стран убеждает в том, что введение корпоративной уголовной ответственности в значительной степени обеспечивает стабильно высокие темпы экономического развития;

– введение такой ответственности в России стало необходимостью ввиду следующих об-

¹ Проект ФЗ № 750443-6.

² Генпрокурор Юрий Чайка назвал сумму ущерба от коррупционных преступлений в РФ за 2018 год.

The laws of many countries do not limit the size of this punishment (USA, China, UK, India, etc.). However, for example, in the USA, there is a limit below which it cannot be imposed – the amount of the fine must be higher than the benefit received or expected by the offender.

In other countries, on the contrary, there is established the upper limit of fine, which is usually calculated as a multiple of the resulting or estimated benefit.

In most countries, seizure of property is applied as a mandatory penalty for corporations. In addition, some countries apply seizure of items intended for committing crime. In other countries, there is seizure of illegally obtained income or assets. The practice of seizing property from the mafia in Italy and the USA is widely known. In these countries, seizure of property is successfully used to undermine the financial basis of the mafia.

In addition to the above, there are established some other types of penalties for corporations: publication of a conviction sentence; establishing judicial control over the corporation's activities; prohibition of engagement in a specific activity; suspension of business for a fixed period; banned subsidies.

The system of criminal sanctions for legal entities proposed by the authors of the abovementioned draft bill developed in the Investigative Committee of the Russian Federation appears to be reasonable. It includes warning; fine; license revocation; deprivation of quota, privilege, benefits; deprivation of the right to do specific business; ban on conducting activities in the territory of the Russian Federation; compulsory liquidation. It is obvious that the authors of the bill gave due consideration to the Russian mentality, the culture of domestic lawmaking and world experience.

It is proposed to impose a fine in the form of a lump-sum payment in the amount from two hundred thousand to thirty million rubles, or multiple of the criminal income received by the legal entity, the property damage caused by the crime or the value of the property acquired by criminal means. The size of a multiple fine, in the opinion of the developers of the draft bill, must not exceed five hundred percent of the criminal income received by a legal entity, the property damage caused by

the crime or the value of the property acquired by illegal means¹.

As for disadvantages of this system, it does not include seizure of property as a type of criminal punishment. Seizure, which is now episodically used in Russia as another criminal law measure, does not meet the requirements of counteracting corruption, at least due to the fact that, according to the information of Yu. Chaika, the Prosecutor General of the Russian Federation, only about 30 billion out of 46 billion rubles of damage from corruption crimes were compensated in 2018.²

If we divided the non-reimbursed 16 billion rubles by 8.5 thousand convicted corrupt officials, each would get a share of about 1 million 900 thousand rubles. This can be regarded as a kind of prize for the unlucky ending in the corruption biography of these officials, or as a kind of a 'golden parachute'.

China can serve as a model to follow. There, in recent years the leading role in fighting corruption is given not to shooting of the convicts but to the seizure of property, which plays an important general preventive role and convinces corrupt officials of the senseless nature of embezzlement and bribes. Seizure is inevitable, therefore neither children nor grandchildren would inherit the stolen.

It is also advisable to provide publication of a sentence as a kind of punishment.

Conclusion

The critical analysis of legislation of foreign countries on corporate criminal liability, practice of its application and recommendations of legal theorists led the author to the following conclusions:

– The experience of many countries convinces that introduction of corporate criminal liability to a large extent ensures a consistently high rate of economic growth;

– Introduction of such liability in Russia is a need in view of the following circumstances: in Russia there is found specific, extremely dangerous corporate crime which not only causes enormous economic damage, thus posing a threat to the country's economic security and the interests of law-abiding participants in economic activity

¹ Draft Federal Law No. 750443-6.

² Prosecutor General Yury Chaika announced the amount of damage from corruption crimes in the Russian Federation for 2018.

стоятельств: фактом российской действительности является наличие специфической, чрезвычайно опасной корпоративной преступности, которая не только причиняет огромный экономический ущерб, представляя угрозу экономической безопасности страны и интересам законопослушных участников экономической деятельности, но негативно влияет на инвестиционную привлекательность России, стимулирует коррупцию, порождает у граждан чувство тревоги, недоверие к закону и власти;

– целесообразность введения корпоративной уголовной ответственности диктуется тем, что регулярное применение к таким субъектам гражданско-правовых и административно-правовых мер воздействия оказывается явно недостаточным;

– Государственная Дума РФ оставляет без внимания не только многочисленные предложения теоретиков права о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц, но также регулярно отклоняет официально представляемые на ее рассмотрение Следственным комитетом РФ соответствующие законопроекты. Одна из причин заключается в том, что ни теоретикам права, ни специалистам Следственного комитета РФ не удалось найти приемлемый вариант «стыковки» предлагаемых моделей корпоративной уголовной ответственности с концептуальными положениями действующего УК РФ об индивидуальной и виновной ответственности;

– вопрос о модели уголовной ответственности юридических лиц следует решать, не отвергая рожденную классической школой уголовного права формулу уголовной ответственности физического лица. Задача заключается в том, чтобы адаптировать эту конструкцию (состав преступления) к потребностям современного постиндустриального общества;

– с объективной стороны преступное поведение корпорации по форме может выражаться как в действии, так и в бездействии. По содержанию – это поведение, в отличие от преступного поведения физического лица, обладает большой общественной опасностью, достигающей по своим наступившим или возможным последствиям масштабов **социального зла**, поскольку юридическое лицо обладает значительными финансовыми, техническими, организационными возможностями для осуществления общественно опасной деятельности;

– обсуждая проблему противоправности как элемента состава совершаемого корпоративным субъектом преступления и номенклатуры деяний, за которые должна быть предусмотрена уголовная ответственность союзной личности, за основу можно принять вариант Следственного комитета РФ, в соответствии с которым предлагается установить уголовную ответственность за все виды преступлений, предусмотренные в Особенной части УК РФ, кроме преступлений: против половой неприкосновенности и половой свободы; против конституционных прав и свобод человека и гражданина; против семьи и несовершеннолетних; против собственности.

В перечень деяний, за которые должна быть введена уголовная ответственность корпораций, следует включить экологические преступления, имея в виду следующие аргументы: они достаточно распространены и причиняют огромный ущерб среде обитания и людей, и животных; за такие преступления уголовную ответственность для юридических лиц рекомендуют предусмотреть международные конгрессы.

– в целом разумным представляется перечень юридических лиц, для которых должна быть введена уголовная ответственность за совершение преступлений, предложенный Следственным комитетом: юридические лица, образованные на территории РФ, иностранные юридические лица.

Авторы законопроекта считают нецелесообразным устанавливать уголовную ответственность для органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и предприятий. В данной статье аргументируется мнение о включении государственных предприятий в число возможных субъектов уголовной ответственности. Временный иммунитет может быть предоставлен предприятиям аэрокосмического и оборонного комплексов;

– бесперспективно искать решение проблемы вины юридических лиц в рамках психологической концепции вины, поскольку коллективный субъект не обладает ни сознанием, ни психикой. Вина юридического лица заключается в том, что оно позволило физическому лицу, имеющему по роду деятельности в этой

but also negatively affects the investment attractiveness of Russia, stimulates corruption, generates a feeling of concern among citizens, their mistrust of law and authority;

– Expediency of introducing corporate criminal liability is determined by the fact that regular application of civil and administrative measures to these subjects is clearly insufficient;

– The State Duma of the Russian Federation not only disregards the numerous proposals from the law theorists on the need to institute criminal liability for legal entities but also regularly rejects the relevant draft bills officially submitted for review by the Investigative Committee of the Russian Federation. One of the reasons is that neither the law theorists, nor the experts of the Investigative Committee managed to find an acceptable way for making the proposed models of corporate criminal liability consistent with the conceptual provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation on individual and fault-based liability;

– The issues associated with the model of criminal liability for legal entities should be addressed without rejecting the formula of criminal liability of a natural person developed by the classical school of criminal law. The task is to adapt this structure (crime components) to the needs of the modern post-industrial society;

– On the objective side, criminal behavior of a corporation can be manifested both through action and failure to act. In its content, this behavior, in contrast to criminal behavior of a physical person, poses a great public danger, reaching, in terms of its consequences (real or potential), the scale of the **social evil**, since a legal entity has significant financial, technical, organizational capabilities to perform socially dangerous activities;

– Discussing the problem of unlawfulness as a constituent element of a crime committed by a corporate entity, and also the nomenclature of

actions which should entail criminal liability of an allied entity, we can take the version of the Investigative Committee of the Russian Federation as a basis. According to that, it is proposed to establish criminal liability for all types of crimes provided in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, except for the following crimes: against sexual inviolability and sexual freedom; against constitutional rights and freedoms of a human and citizen; against family and minors; against property.

The list of acts for which corporate criminal liability should be imposed shall include environmental crimes in view of the following arguments: international congresses recommend to impose criminal liability on legal entities for such crimes; such crimes are rather widespread and inflict great damage to the habitat of both people and animals;

– In general, as for the range of legal entities for which criminal liability should be introduced, the list proposed by the Investigative Committee seems reasonable: legal entities established in the territory of the Russian Federation, foreign legal entities.

The authors of the draft bill consider it inexpedient to establish criminal liability for the state authorities of the Russian Federation, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, local governments, state and local institutions and enterprises. This article provides reasoning for the putting state-owned companies on a list of potential subjects of criminal liability. Temporary immunity may be granted to aerospace and defense companies.

– It is useless to seek a solution to the issue of guilt for legal entities within the psychological concept of guilt because a collective subject has neither consciousness nor psyche. The guilt of a legal entity consists in that it allowed a natural person, who, due to the nature of his activity in

корпорации доступ к рычагам управления его финансовой, технической и организационной составляющими, использовать эту мощь для осуществления общественно опасной деятельности, которая по характеру и грандиозным масштабам наступивших или возможных последствий достигает уровня социального зла. И именно поэтому деяния физических лиц корпорации становятся ее деяниями, которые мы вправе считать виной коллективного субъекта и основанием для его уголовной ответственности;

– приемлемыми для российской модели корпоративной уголовной ответственности представляются следующие условия наступления такой ответственности: 1) если преступление совершено в интересах юридического лица физическим лицом, занимающим в юридическом лице руководящую должность, в процессе выполнения представительских функций от имени юридического лица, или осуществления права на принятие решения от имени юридического лица, либо осуществления контрольных функций в рамках юридического лица; 2) если у физического лица, осуществляющего полномочия от имени юридического лица, появилась возможность совершения преступления в интересах юридического лица в связи с отсутствием надлежащего контроля со стороны вышестоящего должностного лица;

– рассчитывать на введение в ближайшие годы в России уголовной ответственности для юридических лиц нет достаточных оснований, имея в виду, что в стране утвердился государственно-монополистический капитализм, которому принадлежит реальная политическая власть и который не заинтересован в установлении такой ответственности. Надежды на положительное решение в России проблемы уголовной ответственности юридических лиц следует связывать с развитием малого и среднего бизнеса, для представителей которого коррупция и сращивание криминального бизнеса с властью разорительны, в связи с чем их участие в качестве присяжных заседателей в суде присяжных при рассмотрении преступных деяний корпораций окажется весьма продуктивным.

А пока необходимо настойчиво работать над проблемой создания научно обоснованной модели уголовной ответственности юридических лиц.

Библиографический список

1. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. 362 с.
2. Бытко Ю. И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2(103).
3. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб.: С.-Петербург. ин-т Генер. прокуратуры РФ, 1998. 40 с.
4. Коробеев А., Чанхай Лун. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: от китайского настоящего – к российскому будущему // Уголовное право. 2009. № 2. С. 36–41.
5. Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М.: Спарк, 1996. 124 с.
6. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М.: Юриздат, 1958. 260 с.
7. Пан Дунмэй. Корпоративное преступление в китайском уголовном праве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/korporativnoe-prestuplenie-v-kitayskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 18.02.2019).
8. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: РКА, 2002. 307 с.
9. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Учение о преступлении. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1874. 292 с.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.
11. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 666 с.
12. Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969. 454 с.
13. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 381 с.
14. Федоров А. В. Основные положения и особенности регламентации уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4. С. 14–26.
15. Функ Я. И., Михальченко В. А., Хвалей В. В. Акционерное общество: история и теория. Минск: Амалфея, 1999. 608 с.
16. Khanna K. S. Corporate Criminal Liability: What Purpose Does it Serve // Harvard Law Review. 1996. Vol. 109, № 7.
17. Phillimore R. Commentaries upon International Law, London, 1879. Pp. 3–9.
18. Stessens G. Corporate Criminal: a Comparative Perspective // The International and Corporate Law Quarterly. 1994. Vol. 43, № 13. Pp. 493–520.

this corporation, has access to the levers of management of its financial, technical and organizational components, to use his power for performing socially dangerous activities which by their nature and consequences reach the level of the social evil. It is for this very reason that the actions of natural persons in a corporation become actions of the corporation itself; so, they can be regarded as guilt of the collective entity and the grounds for its criminal liability.

– The following conditions for the occurrence of such liability seem acceptable for the Russian model of corporate criminal liability: 1) if an offense is committed in favor of a legal entity by a natural person holding a senior position in the legal entity while performing representative functions on behalf of the legal entity, or implementing the right to make a decision on behalf of the legal entity, or executing control functions within the legal entity; 2) if an individual exercising the authority on behalf of a legal entity has an opportunity to commit a crime in favor of a legal entity due to the lack of proper control by a higher level official;

– There are no sufficient grounds to expect that corporate criminal liability is going to be introduced in Russia in the coming years, as the state monopoly capitalism gained a foothold in the country. It possesses a real political power and is not interested in establishing such liability. Hopes for positive decisions regarding corporate criminal liability in Russia should be associated with the development of small and medium businesses, as corruption and merging of criminal business with the authorities are ruinous for such types of businesses, and therefore their participation in trial juries as jurors should be rather effective in handling criminal activities of corporations.

In the meantime, it is necessary to work persistently on creating a scientifically based model of criminal liability for legal entities.

References

1. Budzinskiy S. *Nachala ugolovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Warsaw, 1870. 362 p. (In Russ.).
2. Bytko Yu. I. *Nuzhen li Rossii takoy zakon (k voprosu o proekte zakona ob ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits)* [Does Russia Need Such a Law (to the Problem of the Draft Law on Criminal Responsibility of Legal Entities)?]. *Vestnik SGYuA – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. Issue 2 (103). Pp. 182–193. (In Russ.).
3. Volzhenkin B. V. *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits* [Criminal Liability of Legal Entities]. St. Petersburg, 1998. 40 p. (In Russ.).
4. Korobeev A., Changhai Leun. *Yuridicheskoe litso kak sub"ekt ugolovnoy otvetstvennosti: ot kitayskogo nastoyashchego – k rossiyskomu budushchemu* [Legal Entity as a Subject of Criminal Liability: from the Chinese Present to the Russian Future]. *Ugolovnoe pravo – Ugolovnoe pravo Journal*. 2009. Issue 2. Pp. 36–41. (In Russ.).
5. Krylova N. E. *Osnovnye cherty novogo ugolovnogo kodeksa Frantsii* [Main Features of the New Criminal Code of France]. Moscow, 1996. 124 p. (In Russ.).
6. Orlov V. S. *Sub"ekt prestupleniya po sovetскому ugolovnomu pravu* [The Subject of the Crime under the Soviet Criminal Law]. Moscow, 1958. 260 p. (In Russ.).
7. Pang Dunmei. *Korporativnoe prestuplenie v kitayskom ugolovnom prave* [Corporate Crime in Chinese Criminal Law]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/korporativnoe-prestuplenie-v-kitayskom-ugolovnom-prave> (accessed 18.02.2019). (In Russ.).
8. *Reagirovanie na prestupnost': kontseptsii, zakon, praktika* [Response to Crime: Concepts, Law, Practice]. Moscow, 2002. 307 p. (In Russ.).
9. Tagantsev N. S. *Kurs russkogo ugolovnogo prava. Chast' obshchaya. Uchenie o prestuplenii* [The Course of Russian Criminal Law. General Part. Doctrine of Crime]. St. Petersburg, 1874. 292 p. (In Russ.).
10. Tagantsev N. S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]. Tula, 2001. Vol. 1. 800 p. (In Russ.).
11. Tarasov I. T. *Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh* [Doctrine of Joint Stock Companies]. Moscow, 2000. 666 p. (In Russ.).
12. Traynin A. N. *Izbrannye proizvedeniya. Zashchita mira i ugolovnyy zakon* [Selected

References

1. *Budzinskiy S. Nachala ugovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Warsaw, 1870. 362 p. (In Russ.).
2. *Bytko Yu. I. Nuzhen li Rossii takoy zakon (k voprosu o proekte zakona ob ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits)* [Does Russia Need Such a Law (to the Problem of the Draft Law on Criminal Responsibility of Legal Entities)?]. *Vestnik SGYuA – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. Issue 2 (103). Pp. 182–193. (In Russ.).
3. *Volzhenkin B. V. Ugovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits* [Criminal Liability of Legal Entities]. St. Petersburg, 1998. 40 p. (In Russ.).
4. *Korobeev A., Chanhai Leun. Yuridicheskoe litso kak sub"ekt ugovnoy otvetstvennosti: ot kitayskogo nastoyashchego – k rossiyskomu budushchemu* [Legal Entity as a Subject of Criminal Liability: from the Chinese Present to the Russian Future]. *Ugovnoe pravo – Ugovnoe pravo Journal*. 2009. Issue 2. Pp. 36–41. (In Russ.).
5. *Krylova N. E. Osnovnye cherty novogo ugovnogo kodeksa Frantsii* [Main Features of the New Criminal Code of France]. Moscow, 1996. 124 p. (In Russ.).
6. *Orlov V. S. Sub"ekt prestupleniya po sovetскому ugovnomu pravu* [The Subject of the Crime under the Soviet Criminal Law]. Moscow, 1958. 260 p. (In Russ.).
7. *Pang Dunmei. Korporativnoe prestuplenie v kitayskom ugovnom prave* [Corporate Crime in Chinese Criminal Law]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/korporativnoe-prestuplenie-v-kitayskom-ugovnom-prave> (accessed 18.02.2019). (In Russ.).
8. *Reagirovanie na prestupnost': kontseptsii, zakon, praktika* [Response to Crime: Concepts, Law, Practice]. Moscow, 2002. 307 p. (In Russ.).
9. *Tagantsev N. S. Kurs russkogo ugovnogo prava. Chast' obshchaya. Uchenie o prestuplenii* [The Course of Russian Criminal Law. General Part. Doctrine of Crime]. St. Petersburg, 1874. 292 p. (In Russ.).
10. *Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]. Tula, 2001. Vol. 1. 800 p. (In Russ.).
11. *Tarasov I. T. Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh* [Doctrine of Joint Stock Companies]. Moscow, 2000. 666 p. (In Russ.).
12. *Traynin A. N. Izbrannye proizvedeniya. Zashchita mira i ugovnyy zakon* [Selected Works. Protection of Peace and Criminal Law]. Moscow, 1969. 454 p. (In Russ.).
13. *Tumanov V. A. Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike ucheniy o prave* [Bourgeois Legal Ideology. On the Criticism of Doctrines of Law]. Moscow, 1971. 381 p. (In Russ.).
14. *Fedorov A. V. Osnovnye polozheniya i osobennosti reglamentatsii ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits za rubezhom* [Fundamentals and Features of Regulation of Criminal Liability of Legal Persons Abroad]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya – Crime Investigation: Problems and Ways of Their Solution*. 2016. Issue 4. Pp. 14–26. (In Russ.).
15. *Funk Ya. I., Mikhal'chenko V. A., Khvalley V. V. Aktsionernoe obshchestvo: istoriya i teoriya* [Joint Stock Company: History and Theory]. Minsk, 1999. 608 p. (In Russ.).
16. *Khanna K. S. Corporate Criminal Liability: What Purpose Does It Serve*. *Harvard Law Review*. Vol. 109. No. 7. Pp. 1477–1534. (In Eng.).
17. *Phillimore R. Commentaries upon International Law*. London, 1879. Pp. 3–9. (In Eng.).
18. *Stessens G. Corporate Criminal Liability: a Comparative Perspective*. *International and Comparative Law Quarterly*. 1994. Vol. 43. Issue 13. Pp. 493–520. (In Eng.).

- Works. Protection of Peace and Criminal Law]. Moscow, 1969. 454 p. (In Russ.).
13. *Tumanov V. A. Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike ucheniy o prave* [Bourgeois Legal Ideology. On the Criticism of Doctrines of Law]. Moscow, 1971. 381 p. (In Russ.).
 14. *Fedorov A. V. Osnovnye polozheniya i osobennosti reglamentatsii ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits za rubezhom* [Fundamentals and Features of Regulation of Criminal Liability of Legal Persons Abroad]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya – Crime Investigation: Problems and Ways of Their Solution*. 2016. Issue 4. Pp. 14–26. (In Russ.).
 15. *Funk Ya. I., Mikhal'chenko V. A., Khvalley V. V. Aktsionernoe obshchestvo: istoriya i teoriya* [Joint Stock Company: History and Theory]. Minsk, 1999. 608 p. (In Russ.).
 16. *Khanna K. S. Corporate Criminal Liability: What Purpose Does It Serve*. *Harvard Law Review*. Vol. 109. No. 7. Pp. 1477–1534. (In Eng.).
 17. *Phillimore R. Commentaries upon International Law*. London, 1879. Pp. 3–9. (In Eng.).
 18. *Stessens G. Corporate Criminal Liability: a Comparative Perspective*. *International and Comparative Law Quarterly*. 1994. Vol. 43. Issue 13. Pp. 493–520. (In Eng.).
- китайского настоящего – к российскому будущему // Уголовное право. 2009. № 2. С. 36–41.
5. *Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции*. М.: Спарк, 1996. 124 с.
 6. *Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву*. М.: Юриздат, 1958. 260 с.
 7. *Пан Дунмэй. Корпоративное преступление в китайском уголовном праве*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/korporativnoe-prestuplenie-v-kitayskom-ugovnom-prave> (дата обращения: 18.02.2019).
 8. *Реагирование на преступность: концепции, закон, практика*. М.: РКА, 2002. 307 с.
 9. *Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Учение о преступлении*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1874. 292 с.
 10. *Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая*. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.
 11. *Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях*. М.: Статут, 2000. 666 с.
 12. *Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон*. М.: Наука, 1969. 454 с.
 13. *Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве*. М.: Наука, 1971. 381 с.
 14. *Федоров А. В. Основные положения и особенности регламентации уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2016. № 4. С. 14–26.
 15. *Функ Я. И., Михальченко В. А., Хвалей В. В. Акционерное общество: история и теория*. Минск: Амалфея, 1999. 608 с.
 16. *Khanna K. S. Corporate Criminal Liability: What Purpose Does it Serve // Harvard Law Review*. 1996. Vol. 109, № 7.
 17. *Phillimore R. Commentaries upon International Law*, London, 1879. Pp. 3–9.
 18. *Stessens G. Corporate Criminal: a Comparative Perspective // The International and Comparative Law Quarterly*. 1994. Vol. 43, № 13. Pp. 493–520.

References in Russian

1. *Будзинский С. Начала уголовного права*. Варшава, 1870. 362 с.
2. *Бытко Ю. И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) // Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 2(103).
3. *Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц*. СПб.: С.-Петербург. ин-т Генер. прокуратуры РФ, 1998. 40 с.
4. *Коробеев А., Чанхай Лун. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: от*